

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ВАРМ
фон дер Шуцце 3

Андрей Готлибович Шопперт
Барон фон дер Зайцев. Книга 3
Серия «Барон фон дер Зайцев», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74004427

Аннотация

Не дали вороги повзрослеть мальцу. Затащили на ненужную чужую войну. И поди разберись на ней, где свои, а где чужие.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Шопперт Барон фон дер Зайцев. Книга 3

Глава 1

Событие первое

Весна несмело, по маленькому кусочку, откусывала от завоеваний зимы. И начала с Рижского залива. В самом начале марта случился приличный шторм, который сломал лёд на закованной в кандалы воде и выбросил кучу льдин на берег, настоящие торосы организовав. На следующий день после шторма Герда повела всех учеников художественного училища, включая и Иоганна, посмотреть на созданные ледяные крепости. Красивым это назвать можно было с большой натяжкой. А вот величественным – это точно. Даже мурашки на спине начинают бегать от осознания силы, что это всё нагородила. Пленэра не вышло. Никто с собой мольбертов не брал. Да и не стал бы Иоганн такую картину покупать, если всё именно вот в таком виде рисовать. Просто гигантский бардак. Он видел фотографии торосов на Байкале. Даже как-

то фоном на компьютере сделал. Там было красиво – прозрачные большие льдины, вставшие на дыбы. А здесь просто кучи, пусть и большие белого льда. При этом больших льдин не было. Куски довольно квадратные, сантиметров тридцать на тридцать самый большой. Ну и на Байкале всё это переливалось в лучах солнца, а тут пасмурно, сыро и холодно.

А ещё обидно, не могла буря эти горы льда отодвинуть хоть метров на пять от берега. Тогда можно было бы янтарь начать собирать. А получилось, наоборот, теперь нужно ждать пока эта гора льда растает. И это, наоборот, отодвигало, а не приближало охоту за янтарём. Не помнит он здешнюю весну, но вот из детства из родного города помнит. Там собранные с проезжей части горы чёрного снега потом таяли до середины мая. Потом уже после развала СССР это прекратилась. В городах появились машины и бульдозеры с экскаваторами иностранные, и они снег вывозили за город. Но те огромные кучи с вытекающими из них до самого лета ручейками Иван Фёдорович запомнил. Тут то же самое произойдёт – лёд будет долго таять. Плохо всё в самом начале пятнадцатого века с иностранными экскаваторами.

Бросили они пока картины продавать. Кончился янтарь. Сами картины и рамы для них по-прежнему рисуются и то не полностью, теми красками, которыми остались, а вот янтарной крошки нет.

С красками тоже всё плохо. Пока есть рыжая глина, серая глина и ржавчина. А ну, сажа ещё. Из ржавчины две крас-

ки получают. Одну из необожжённой ржавчины. Цвет... по-пробуй догадайся с трёх раз – цвет ржавчины. А большую часть обжигают и получают красный сурик. Путём смешивания выходят на более-менее коричневый. Всё, это вся палитра. Сильно картины не порисуешь.

Свинцовые белила не получились. Нет, они купили в Риге свинца, расплавили, вылили тонкие пластины, свернули их в спирали, положили в горшки и плесканули туда уксусной кислоты, тоже в Риге приобретённой. Правильнее будет, слабенький уксус яблочный. А потом, как и положено, закопали это в навоз конский.

Всё! Потом наступила лютая стужа. Навоз превратился в лёд и все процессы там прекратились. Сейчас рядом с замком стоит эта куча, занесённая снегом. Нужно ждать. Настанет весна, растопит снег, нагреет кучу и опять начнёт выделяться углекислый газ, что превратит свинец в белый карбонат свинца. Как там в песне?

– Чем же всё это окончится?

– Будет апрель.

– Будет апрель, вы уверены?

– Да, я уверен.

Пока март и снег даже не начал толком таять.

Но весна наступает. Второй уже кусочек она от зимы откусила – прилетели скворцы. Иоганн вспомнил про скворечники, и плотники вместе с художественной школой изготавливали красивые и даже вычурные скворечники. Вообще, ко-

нечно, скворцы весной – это зло. Они питаются червями. Ходят по грядкам, по пашне и, забивая в землю свой длинный нос, выуживают из неё червяков, которых несут вечно пищущим птенцам. А черви – это те самые создания, которые увеличивают плодородие земли. Зачем тогда люди веками горючат скворечники и развешивают у своего дома? А чёрт его знает? Ну, да есть ведь известная идиома: «Человек сам писец своему счастью». Не, не, скворцы потом улетят в лес и будут там вредных насекомых поедать. Но, это потом, а сначала резко прорежут поголовье червей.

Уже и третий кусочек весна от зимы откусила. В лесу прогалины стали появляться. Солнце нагревает тёмную кору деревьев, и вокруг них появляются проталины. И нет на них никаких подснежников пока, а может и не будет, возможно все подснежники уже в красную книгу занесли. Все вырвали мачеха с сестрицей из сказки про «Двенадцать месяцев». Нужно попробовать у купцов луковички крокусов раздобыть, заказать куда-нибудь на Кавказ. Вроде и в Средиземноморье есть? Шафран получают из осеннецветущих крокусов, ну хоть глаз будут радовать, если удастся раздобыть те, что цветут ранней весной.

Пока в мастерской по изготовлению картин застой, Йоганн переключил народ на изготовление глиняных фигурок. Корил себя, что за копейки, по сравнению со стоимостью картин, продавал необработанный январь. Дебил! Ну, хотя, он ведь не знал, что у него такая «могучая кучка» по-

явится, и что можно будет картины массово штамповать. За-рабатывал, как мог.

Сейчас глиняные игрушки и мыло приносят основные деньги в казну. Пацанва разгребает снег на пляже и собирает водоросли. Потом сушит и пережигает их в золу в котлах небольших. Большие-то все превращены в коптильни.

Балясины практически перестали брать, и Иоганн переключил токаря – старшего сына преподобного отца Мартина Клауса на изготовление тарелок и кружек. Не те деньги. На рынке в Риге полно деревянной посуды. Из-за этого особо цену не задерёшь. Это балясин не было, а деревянных мисок полно. Но продукцию всю разбирают. Вырезанная чашка вручную и выточенная на токарном станке отличаются серьёзно друг от друга. Плюсом часть покрашена и даже раскрашена снаружи. Что-то типа хохломы. Иван Фёдорович показал Сильвестру и остальным в художественной школе приём из хохломской росписи, когда лепестки цветков получают одним мазком кисти. Не прямо все за одну минуту, но почти все за зиму этот приём освоили. И цветы получаются красивые, жаль красок ярких нет.

Событие второе

Деньги – это зло. Вот не было бы и проблем бы не было. А так одна за другой наведываются. И некоторые по несколько раз. Повадились.

Повадился к ним заезжать и выпрашивать деньги последний из фон Лаутенбергов – Александр – младший брат ма- чехи.

Первый раз он появился с тремя кутилье ещё до Нового года. Конец ноября был. Или начало декабря? Прибыл к ужи- ну и вина фряжского потребовал.

– А нету! – обрадовал Иоганн дорогого родича... Дядя ведь? Не, ну Василесе-то точно дядя.

– А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А подать сюда Земля- нику! – не поверил богатырь.

Вообще, все Лаутенберги настоящие такие рыцари, как с картин. Высокие с широкими плечами и бычьей шеей. Ну, и с низким лбом под пшеничными копнами волос, нестрижен- ных. Словом – богатыри, не мы. Грозен в гневе Александр. Бороду чеховскую топорщит грозно.

– Нету, правда, нету, хер фрайхер, – развёл руками Отто, струсив от гневного рыка бугая.

– Чтобы к утру было! – рыцарь оторвал от копчёной ку- рицы ногу и вполне себе целыми и белыми зубами впился, – пива тогда несите или сидра.

– А нету! – опять порадовал дядьку любимого пацан.

– Сестра! Что тут за порядки! Донерветер! В Кеммерне есть постоянный двор с трактиром – туда отправь человека. Пусть привезут, чем горло промочить.

Умный. Пришлось Отто отправить человека, которым оказался вовсе не спринтер, а дед Игорь, за сидром. Иоганн

мысленно улыбнулся, а то бы дядька не понял, изобрази он радость по этому поводу.

Попробовал Иван Фёдорович тот сидр. Эта гадость напоминала Ркацители из его юности. Горько-кислая гадость градусов на семь – десять. Надо быть очень большим ценителем сухих вин, чтобы это нравилось. Так вот, сидр яблочный бы ещё кислее и ещё горше.

Пока практически нет сахара, и пока не вывели технические сорта винограда с сахаристостью за двадцать процентов, которые «откушивать» в качестве винограда просто невозможно, всё вино виноградное, яблочное, грушевое, или любое другое, это кислятина. А чтобы оно становилось сладким, туда добавляют соли свинца. Именно из-за этого Иоганн бился насмерть с Отто, чтобы в замке этих сладких вин не было, чтобы даже не пахло ими. Отто на поводу у пацана не пошёл. Вдове нужно горе сладкими винами запивать. Тогда Иоганн начал кувшины с вином заморским дорогущим разбивать. А когда управляющий стал кувшины прятать и приносить только во время обедов, то стал разбивать их прямо в руках у Отто.

– В замке отравы не будет!

Хольте куда деваться, бить пацана ему нельзя. А больше и некому. Смирился, как смирились и мачеха с датчанкой. И вот теперь всё по новой начинать? Так дядя, мать его, вполне может и по шее заехать. И прав, и силы хватит. Может потом, по дороге домой, подавиться от арбалетной стрелы,

застрявшей в горле, но это же потом будет.

Утром Александр фон Лаутенберг, кривя рожу от гадости, что его пить заставляют, так небрежно говорит старшей сестрице:

– Мария, мне нужно триста марок, чтобы восстановить стену вокруг отцовского замка.

– А ху-ху, не хо-хо? (Это Шукшин в литературу ввёл). А вареньем тебе морду не намазать? А у тебя попка не слипнется? А губа у тебя, любимый дядюшка, не треснет? А губозакаточную машинку не принести? – не, понятно, что всё это шепотом Иоганн выдал. Но глаза выкатил совсем не шёпотом, громко выкатил, и со скрежетом ресницами захлопал. Неожданное: «С добрым утром».

Мария икнула. Если что, то пять марок – это хороший конь, а не дартаньяновский мерин. А десять марок – это дестриэ и почти полкило серебра. Триста же марок – это доход их баронства за год, ну до того, как Иоганн стал хреню всякой заниматься. Но даже сейчас – это при том, что цена на картины упала до тридцати марок, а они делают картину за неделю – это примерно три месяца работы.

Мария икнула, потом икнула датчанка. Очень долго сдерживал икотный позыв Отто Хольте. Всё же человек подчинённый, и не к нему Александр обращался. По данным Иоганна у Отто было около ста марок. Всё, что в этом году выручили за зерно и за осенний забой животинки. Крестьяне налог ещё не заплатили. Там приличные будут деньги с учё-

том постоянного двора, кузнеца и Матильды. Но пока-то нет. Так и самому Отто налог платить надо. Он фиксирован, от урожая не зависит. Зависит от количества обрабатываемой земли. Арендатор, читай крестьянин, отдаёт 1/12 долю урожая в качестве налога и 1/8 долю урожая в качестве платы за аренду земельного участка барона.

То есть, прямых денег там не будет. Ну, кроме Матильды, Угнисоса и постоянного двора, будет зерно и его ещё нужно продать. Так, с учётом художественного училища, арбалетчиков, присланных архиепископом, и прочих прихлебателей, что понабрал Иоганн, эти продукты уйдут на их прокорм, нечего будет продавать. А тут, за между прочим, выдай, дескать, сестрица, годовой, а то и двухгодовой доход всего баронства. Продавая рожь, больших денег не заработаешь. Пиво подороже, но тоже так себе прибыль. Вот пшеничная водочка, она бы прибыль принесла, но её никто не гонит.

– Bist du ein Idiot, Onkel?! (Ты дурак, дядя?!) – О! Устами младенца глаголет истина! Это Герда единственная насмелилась правду в глаза борову сказануть.

Событие третье

От матери последовала затрещина. Но канула... Мимо пронеслась. Герда удачно уклонилась от демонстративного замаха датской Марии и подскочила к Александру:

– Ты видишь – руки красные?! Это мы водоросли собираем из-под снега. За жалкие пфенниги. Хворост собираем, на деревья в мороз залезаем, чтобы нижние ветки сломать! – рыжая бестия швыркнула простуженным носом и убежала, загрохотала деревянными каблуками по лестнице.

Не, так-то Герда ему не племянница (die Nichte), там сложнее родство, какая-нибудь троюродная племянница, а может и сестра троюродная (die Base zweiten Grades), а то и внучка, не удосужился Иоганн разобраться в том, кем датская Мария приходится Лаутенбергам. Потому, «дядя» – это неправда. А вот всё остальное правда.

– У нас нет таких денег, Александр, – всплеснула руками мачеха. «Всплеснула»? Должно быть это движение как-то по-другому называется. Вот, как правой рукой сеятель зёрна пшеница весной в поле разбрасывает, а тут обеими руками одновременно. Чего уж этим хотела фрайфрау изобразить, что все деньги разлетелись, наверное?

Иоганн сдриснул сразу из-за стола. Пошёл клад перепрыгивать. У него было шесть сотен с небольшим марок. Не у управляющего, а именно у него. За янтарь, за картины, за мыло деньги. За балясины тоже. Копчение рыбы парень передал вместе с заботами о рыбаках Отто Хольте, ему же доставались деньги от продажи ручноймыльников. Сколько там марок и шиллингов с фердингами за эти месяцы набежало Иоганн не знал, но понятно, что дело прибыльное, раз Отто его не прикрыл. Даже несмотря на всю свою немецкую при-

жимистость исправно пацанам за копчение пфенниги выплачивает.

Клад был совсем не маленьким. Марка больше сорока грамм весит. Приличная такая монета, в два раза тяжелее будущих николаевских серебряных рублей. Она и толще и диаметр побольше. Так шесть сотен с небольшим таких монет – это двадцать пять кило почти. Двадцать пять кило очень чистого серебра. Сундук целый. А ещё Иоганн нашёл-таки деньги, припрятанные отцом на чёрный день. Они, как он и предполагал, находились в двойной крышке сундука огромного. находка так себе. Там оказалось двадцать восемь венгерских золотых дукатов.

О! Золото! О! Дукаты! Почти пиастры. На самом деле это такая, не, не, на самом деле золотая... финтифлюшка размерами с двухкопеечную монету из СССР. Чуть-чуть диаметр больше, а толщина именно такая. Какой-то святой с нимбом нарисован. Вес, насколько мог судить Иоганн, аптекарских весов не имеющий, в районе четырёх граммов, память подсказывала, что три с половиной или три и шесть десятых. Так-то – это целая пригоршня золота. А ещё чего-то вроде монистов тоже золотое, пластинки на цепочке, примерно столько же в сумме по весу. Ну пусть, если округлить, то на шестьдесят дукатов потянет. И это уже полная горсть золота, даже с горкой небольшой.

И всё это копейки. Отношение золота к серебру то ли одиннадцать к одному, то ли десять к одному. Да, не важ-

но. Серебряная марка по покупательной способности равна дукату, видимо для того и вес такой выбран. Выходит – эта горсть золота всего тянет на шестьдесят марок. На две его картины с драконом.

Серебро между крышками сундука тоже было. Сорок одна монетка. Размерами чуть меньше дуката. Неровная и плохо прочеканенная. Скорее всего, изображен Христос, сидящий на троне. Но может и царь какой. Одну такую монетку Иоганн показал Хольте и управляющий определил её как «матапан». Монетка из Венеции. Восемнадцать таких равняются серебряной марке. Ну, то есть, всего две марки. Вот и всё богатство. Пусть, с округлением, отец хранил шестьдесят марок. Для Александра должно быть приличные деньги, а для Иоганна уже просто как довесок к его «богатству». Хранил их пацан в этом самом сундуке огромном, на котором спать можно. С героической, без всяких кавычек, гибелью Юргена – Киселя никто в замке на чужое не позарится, а прятать целый сундук серебра и всё время его пополнять, не самое мудрое решение, когда все на виду. Тем более, Отто Хольте, пусть и не точно, до одной марки, но знал о доходах Иоганна и пацанов. Но не лез.

А вот теперь не факт, что управляющий не сдаст парня, всё же Александр и опекун, и медведь вон какой. И ещё аргумент не в пользу его клада. За сохранность денег баронства именно Хольте отвечает, так он, чтобы эти баронские деньги сохранить, вполне деньгами барончика может и по-

жертвовать.

Место для перекладывания клада имелось. Его Иоганн нашёл давно, месяца три назад. У донжона крыша плоская. Там могут всякие лучники с арбалетчиками за зубцами прятаться и в неприятеля стрелять. Есть выступающая труба от каминов, все дымоходы сведены в одну большую трубу. А ещё есть... Лифтовая кабина. В прямом смысле этого слова. Такой скворечник на крыше построен и там блок с верёвкой, а внизу шахта до минус первого этажа. До подвала. Наверное, всякие воинские припасы на крышу донжоны поднимать при обороне. Так эта шахта лифтовая как бы по кругу огибается лестницей узкой на второй и третий этаж. И выше третьего этажа, но ниже крыши лифтового домика есть пространство в метр на полтора и на метр. Оно зашито досками, можно чердачком обозвать. Никто его не используют. Иоганн, когда клад искал, то одну доску оторвал и не обнаружил там ничего кроме паутины, пыли и темноты. Марки у него упакованы в инкассаторские мешочки по пятьдесят штук в один мешок. Примерно два кило серебра.

Аккуратно оторвав доску, кладо... прятатель стал бегом носиться из кабинета батянькиного на самый верх и обратно. Мешочков четырнадцать. Один с золотом и один не полный ещё. Пока все перетасил, весь мокрый парень стал. И всё время прислушивался. В гостиной на повышенных тонах рычали и шипели. Рычал, естественно последний из Лаутенбергов, а шипели в ответ мачеха и датчанка.

Иоганн перевёл дух, обтёр пот и вернулся за стол.
– Живот прихватило.

Глава 2

Событие четвёртое

Убрался Александр через два дня. И то мог бы и ещё погостить, да вот казус вышел. Казус белли. Объял и обпил бедное баронство при этом дядя прилично. И сам ел и пил в три горла и кутилье его. Из новых, не тех, что были с его братом. Они даже попытались затащить на сеновал Магду Штибе, дочь Вальтера и преподавателя художественного училища по скульптуре. На счастье лопухой, или, на счастье, кутилье, в замке находились Перун и Семён и, понятно, Иоганн был с фон Бокком. Разгорячённые и возбуждённые сверх меры, волочащие девчонку к сеновалу, воины барона попались на пути Иоганну, который как раз шёл учить ребят рисовать. Тут-то belli и началась. Быстренько и закончилась. Одному сломали руки. Обе. Второму отрезал мечом ухо фон Бок. А выбежавшего на крики барона окатил из ведра с кипятком Иоганн. Жаль одежды много и ведро не полное. Иоганн бросился на кухню, за кочергой, но, увидев ведро с кипятком на печи, посчитал это более веским аргументом в споре. Третий же великий воин решил поупражняться в рубке на мечах с Семёном. Похоронили его... Бросили его поперёк коня и

выгнали пегаску из ворот. А где уж Александр своего кутилье похоронил, неизвестно?

Когда же попрошаек выгнали, то оказалось, что буквально за десять минут до этого фрайфрау вняла настойчивым просьбам брата и велела Отто Хольте выдать Александру тридцать марок, что тот и выполнил немедленно, лишь бы избавиться от гостей побыстрее.

– Дядя, ещё раз сюда приедешь, и я ночью заберусь к тебе в комнату и суну кинжал в глаз! – прокричала вслед скорбной процессии воительница Герда. Жаль не услышали. Кричала рыжая, когда всадники были метрах в двухстах. Не её вина, рыжая бестия им и в глаза бы это прокричала, но утешала в это время рыдающую Магду. Ну, там так активно можно было и не лить слёзы, ничего сделать кутилье ей не успели, только сюрко разорвали и фингалы поставили под оба глаза. Так платьишко было и не новое, и не больно дорогое, а фингалы? Ну, а чего фингалы, вон в двадцать первом веке такие тени вокруг глаз наводят, что хоть стой, хоть не стой, и за бешенные деньги, а тут бесплатно. И фон Бок ещё утешает, поглаживая лопухую по голове. Да и не проиграли они это сражение, чего слёзы лить. Так-то счёт четыре: один. Даже барон повизжал, когда кипяток через одежду до кожи добрался.

И ведь приехал после Рождества опять. Снова. Вдругорядь. Другожды. Паки. (*«Паки» – устаревшее русское наречие, синоним слов «снова», «опять»*). Не трус. Ну, или

деньги пропил все? Приехал на этот раз с шестью кутилье. Дебил. У Иоганна на привратных башнях или барбакане Старый заяц с пятью лучшими арбалетчиками неметчины. Это не сатира и не гипербола с параболой. Это правда. Иоганн изготовил им мишени на щитах и на токарном станке изготовил стрелы. Наконечники для стрел сделали тоже круглыми (коническими), ободрав после кузнеца на том же токарном станке с помощью абразива. И Старый заяц научил контингент, вверенный ему, правильно пёрышки приделывать, чтобы стрела закручивалась. В результате ежедневных тренировок и улучшенным боеприпасам, арбалетчики за сто шагов уверенно попадали в человеческую фигуру, нарисованную на мишени. А на пятидесяти и в голову нарисованного человека, семь раз из десяти попадали. А, вообще, у всех были приличные арбалеты с железными дугами, и стрела, пущенная под углом 45° , летела шагов на триста. Иоганн, чтобы простимулировать тренировки, забросил наживку. Шесть шиллингов пообещав тому, кто отстреляется лучше всех к тому моменту, как снег растает. Половина марки – приличные деньги. Плюс кормили арбалетчиков на убой. Менять гостеприимный замок на голодную и холодную Ригу никому не хотелось, и люди старались.

После переговоров в замок запустили только одного Александра. Всадники получили тупыми тренировочными стрелами в кирасу и не стали настаивать на выстрелы настоящими стрелами, чтобы испытать броню на прочность, отъехали.

Александр сообщил, что ему в конце марта нужно быть в Мемеле с копьём, и для снаряжения нужно двадцать марок.

– А где тридцать? – умилилась Герда и показала дядюшке кинжал. Попытка схватить дьяволицу натолкнулась на руку фон Бока и визг датской Марии, на который прибежали Ганс Шольц с тесаком в руке и Иоганн со взведённым арбалетом.

– Ехал бы ты, дядя, домой, – вежливо попросил его парень.

– Без денег не уеду! – встал в позу опекун. – И добьюсь аудиенции у архиепископа.

Иоганн на пару минут задумался. А чего сделает тёзка Иоганн V Валленроде? Вызовет в Ригу. А дальше? А вот чёрт его знает? Имеет право опекун требовать деньги с лена? С другой стороны, весной начнётся война, и все это знают. И архиепископ лучше всех. Ему не копьё, ему целую хоругвь предоставить надо. А тут, как ни крути, десять воинов. И вдруг по мнению архиепископа именно эти одиннадцать человек с этим мощным бароном и решат судьбу сражения. Да, чёрт с ним, пусть подавится.

– Ладно, Отто, выдай родичу двадцать марок. Под запись в книге, естественно, и с получением расписки.

– Бу-бу-бу, – это управляющий описал в красках и лицах, сколько труда нужно приложить, чтобы теперь уже пятьдесят марок заработать. Оно, это бурчание, понятно, если что, то тонна ржи стоит три марки. Тринадцать ластов всего – столько собрали яровой ржи в Русской деревне. Почти то на

то выходит.

Иоганн, смотря вслед уезжающему Александру с мешком серебра, всерьёз задумывался организовать засаду на дороге и грохнуть его из лука. Есть ведь обходная дорога вдоль озера, а потом на Пиньки. Раздумал. С ним шесть воинов. И всё может пойти не по плану. Пусть это будет его вклад в Грюнвальдскую битву.

Во всех сказках и всегда три раза событие происходит. Бог любит троицу. Прибыл в замок третий раз и Александр фон Лаутенберг. И естественно опять за деньгами. Прибыл с отрядом в двенадцать всадников и повозкой.

Был поздний вечер, ворота уже закрыли, и все жители Кеммерна и Русской деревни покинули замок. Остался из защитников Старый заяц со своими людьми и фон Бок с управляющим.

Не, воевать с дядей Иоганн не собирался, это бы был явный перебор. Но и впускать в безоружный замок целое войско было нельзя, тем более, Александр явно злобу на его обитателей затаил.

Событие пятое

Был конец марта. Самый конец. Погоды тоже стояли весенние. Солнышко весь день боролось с остатками снега, ветер с юго-запада, приличный такой, не порывами, а напором сильным, нёс с собой аромат юга Франции, откуда, долж-

но быть, и прилетел. Там-то, в далёких гасконях, уже всякие персики с абрикосами и миндалём цветут. Может и выветрился запах цветущих персиков по дороге, только намёк остался, так и его достаточно, чтобы почувствовать, что пришла настоящая весна.

Дядя (der Onkel) честных правил орал перед закрытыми воротами, а Иоганн расхаживал по барбакану с пистолем в руках (двумя руками держал, чтобы порох с полки не просыпался) и думу думал, впустить родича или не впустить? А если впустить с воинами или без?

Возможных решений было множество, и все были не одно лучше другого, а каждое следующее хуже предыдущего. Ганс Шольц со своими арбалетчиками тупыми болтами – стрелами могут отогнать воинов фон Лаутенберга, но трое всадников у дядюшки тоже были с арбалетами. И теоретически могут пострадать люди Старого зайца, так ещё неизвестно, выполнит ли Ганс приказ сменить учебные стрелы на боевые. Всё же там не литвины, а свои, буржуинские. А дальше? Что будут делать тринадцать, считая самого барона, людей в которых стрелять начали? Пойдут крестьян, кабатчика, Матильду грабить? А в Русском селе три десятка новиков и Семён с Перуном. Не, ничем хорошим это не закончится. Трупов будет десятка три. А потом это дойдёт до архиепископа и комтура Риги.

Впустить и отправить кого-нибудь за Семёном и новиками, чтобы присутствием своим удерживали онкеля Алек-

сандра от необдуманных поступков? Ход не плохой. Есть, правда, вероятность, что не подействует этот сдерживающий фактор, и начнётся рубилово внутри замка. А тут всяких девочек и бабушек полно. И потери среди новиков будут, воевать внутри крепости они не обучены. Да, с первого боя, в самом начале осени, парни каждый день тренируются. И сейчас это уже даже закалённые в нескольких сражениях бойцы, но двенадцать или тринадцать опытных воинов баронских хоть как дорого свои жизни продадут. Заманить и ударить из пушки? Даже из двух, теперь у тюфянчя два ствола. Зарядить не долго. Но сто процентов это тоже станет известно в Риге.

– Was ist nötig? (Чего надо?) – как мог более недружелюбно, поинтересовался племянник у единственного дядюшки, пусть и сводного.

– Открывай ворота, дорогой племянник (засранец – более точный перевод)!

– Утром приезжайте, мы уже поужинал. Вас и кормить нечем...

– Ворота открывай! Марию позови. Отто тащи сюда. Шнель!

Это же в три разных места нужно бежать одновременно. Беда!

– Александр, смотри, что у меня есть, – такой вариант Иоганну тоже не очень нравился, но он точно был лучше первых двух.

Он вытянул руку, принял у фон Бока факел и поджёт им фитиль на пистоле, подождал, пока тот красиво в сумерках начнёт тлеть и потянул за спусковую скобу или крючок.

Пших! Вспыхнул порох на полке. Бабах! Дюймовая пуля впиалась в землю перед копытами одного из коней, на которых дюжина кутилье гарцевали на дороге перед замком. Руку пацана чуть из плеча не вырвало. Отдача огромная. Калибр в двадцать пять миллиметров – это серьёзно.

Заржали лошади, кто-то попытался удержать вставшего на дыбы жеребца, и тот сполз передними ногами с насыпи, не удержался на дороге и ринулся вниз спотыкаясь, чтобы не упасть. Конь не упал. А вот всадник через его голову вылетел, загремев железом. Всё это довольно долго продолжалось.

– Я тебя одного, любимый дядюшка, запущу на десять минут. А ты дай команду воинам ехать назад в Пиньки. У нас два десятка пистолей. Пуля любую броню пробивает. Если понял, дай знать! – Иоганн всё это прокричал, стараясь перекричать не желающих успокаиваться лошадей. Те явно к звукам выстрелов не привыкли. Огнестрельного оружия ещё не больно много, и у Александра и его кутилье его точно нет.

Александр погрозил кулаком Иоганну, но потом подъехал к десятнику, ну или кем там был всадник на рыжей кобыле в огромном топфхелме. Посовещались псы-рыцари, и кроме одного воина и телеги с возчиком все остальные направились к Кеммерну. Нужно надеяться, что убивать там никого не

будут. Всё же «барин» в заложниках.

Через пять минут Александр снял бацинет с головы и опять стал кликушествовать.

– Открывай ворота, думкопф!

– Вот, умеешь же вежливо попросить, – обрадовался Иоганн, – Ганс, скажи своим, чтобы открыли ворота, – а кем ещё командовать?

Событие шестое

Кузнец Дитмар, что недалеко от Песчаной башни, уже за стенами Риги, обитал, и который подрядился за сорок марок изготовить десять стволов для пистолей за месяц для Иоганна, к этому времени, продолжая выполнять и перевыполнять заказ барончика, навил уже тридцать стволов для пистолей и пять длинных в придачу, по семьдесят примерно сантиметров, стволов для пицалей. Всё вместе потянуло на сто, а не на сорок марок. Дорогое это удовольствие огнестрельное оружие сейчас. Так это только стволы. С ложами – прикладами проще, только дерево сухое нужно было купить. Игнациус непременно орех требовал. Куда деваться, прошерстили всю Ригу, но немного нашли, на эти тридцать пять дивайсов в обрез хватило. Игнациус же сам бесплатно обошёлся, он дворовый, и работает не за деньги, а за еду и одежду.

А вот Угнисос человек вольный и только арендует небольшой участок земли у барона, ну и налог как и все платит, так

что изготовление им полок и замков к пистолям и мушкетам обошлось Иоганну ещё в пять марок.

Всё, больше пока барончик вооружаться не стал. У него есть тридцать новиков. Каждый получил по пистолю. А пять самых здоровых ещё и по мушкету. По мере изготовления пистолей приходилось покупать порох. Всего уже пять бочонков истратили на тренировки – ещё целая куча серебра ушла.

Ну и домочадцы потренировались. Фон Бок из пистоля уже вполне метко бьёт, природный снайпер, что ему не дай, хоть лук, хоть арбалет, хоть пистоль или пицаль. Отто тоже несколько раз стрельнул, но великим бекасником не стал. Научился пользоваться и ладно. В упор не промахнётся. Главное – жмуриться перестал. Самсону и привыкать к пистолю не надо, он из пушки стрелял, что ему мелкий пистоль. Пятый пистоль у молчаливого друга Георга... Ну или четвёртый, а пятый у Иоганна.

За восемь месяцев барончик в баронище не превратился. Даже тринадцати с половиной лет нет. Но вес набрал и подрос. Теперь где-то метр пятьдесят пять. Уже не смотрит на всех снизу вверх, на некоторых уже и прямо глядит. Все задатки вымахать даже больше, чем Александр, в брата Гришку, есть. Ещё лет пять расти, явно за метр восемьдесят будет. Всё одно пока легкий для современных ручниц.

Заматерел не он один. Мартин фон Бок из дрища на хорошем питании и с ежедневными тренировками набрал ки-

лограмм двадцать, и это не пивной животик. Это вполне себе мышцы. И вот его отдачей при стрельбе из пистоля не сносит.

Все впятером с заряженными пистолями и даже с тлеющими фитилями они выстроились против ворот замка, когда арбалетчики Старого зайца вынули брус из проушин и открыли ворота. Клином таким. Впереди тюфянчей Самсон на коляске. Он отложил пока в сторону протезы и трость и назад в свою карету уселся. Стрелять с такой отдачей на протезах покачиваясь, не лучшая мысль. Так она ему в голову и не пришла. А так вполне себе устойчиво.

По бокам остальные защитники замка. Если учесть, что там только один Александр и один кутилье с мечом, да возчик безоружный, то сила на стороне племянника.

Любимый дядечка заехал в освещаемый неровным светом зажжённых факелов двор перед замком и остановился, разглядывая наведённые на него пулеплевалки. Барон фон Лаутенберг руки не поднял и ниht шиссен не закричал. Он без помощи посторонней прыгнул с коня, благо одет был не в полный комплект брони, а только в кольчугу со шлемом и налокотники с наколенниками и двинулся к Отто.

– Где Мария? Мне с ней нужно переговорить.

– Она не даст тебе больше денег... – Иоганн шагнул вперёд, но управляющий руку выставил, не пуская пацана.

– Херр фрайхер, мы отдали вам уже пятьдесят марок. На эти деньги можно войско целое набрать. У нас под замком

нет серебряной шахты, – Отто Хольте ткнул стволом пистоля себе под ноги. При этом фитиль затлел чуть ярче и от него даже искры отвалились.

Иоганн мысленно перекрестился, так выстрелит в кого, и это полбеды, а вот себе в ногу – это беда. Но нет, пронесло. Управляющий снова навёл ствол на барона.

– Мне нужно немного и главное не деньги, а продукты. Послезавтра выезжаю, а в баронстве люди голодают. Где Мария? – произнёс всё это Александр вполне мирно, без патетики и надрыва и даже без угроз. Буднично так.

– Одну повозку продуктов? Каких? – Иоганн не верил, что дядечка любимый притащил тринадцать кутилье, чтобы добыть полтонны ржи.

– Десять марок, чтобы покупать еду в дороге и повозку копчёной рыбы. Она не испортится за дорогу.

Сволочь! А таким сиротой прикинулся. А оказывается, прознал родич, чтоб им всем пусто было, про рыбку копчёную и захотел урвать бесплатно. Ну и десять марок, это так мелочь, до кучи.

– Отто, позови фрайфрау. И выдай под роспись деньги, – Иоганн попросил доброго боженьку, чтобы Александр фон Лаутенберг оказался среди тех, про которых через три месяца кто-то там скажет из поляков: «Ужели здесь лежит весь орден»?

Блин, а ведь на завтра планировали очередной вояж в Ригу с двумя возами рыбки копчёной. Соли прикупить на-

до, всю истратили. Жаль Рижский залив практически пресный там всего четыре промилле, соль добывать не получится самим. Потому её приходится закупать. Так, что себестоимость далеко не нуль целых, нуль десятых. А тут целый воз отдать нужно.

– Быстрее уж отправился бы, – прошептал Иоганн, опуская пистоль, как раз мачеха на двор вышла.

А ведь есть поговорка про яму...

Глава 3

Событие седьмое

Стих был в детской книжке у Ивана Фёдоровича про царя зверей льва и его советника козла. Весь, естественно, не вспомнить, но одна строчка запомнилась:

«Козел, ты яму мне копал»?

«Копал».

«Ну вот и сам в неё попал».

Уже когда интернет появился, хотел Иван Фёдорович Зайцев найти тот стих в интернете, чтобы внуку прочитать, и не смог обнаружить. Возможно, ту детскую книгу не оцифровали.

Нашел другой стишок, прикольный, даже наизусть выучил.

«Яму копал? Копал. В яму упал? Упал. В яме сидишь? Сижу. Лестницу ждешь? Жду. Яма сыра? Сыра. Как голова? Цела. Значит живой? Живой. Ну, я пошел домой...».

А если без выпендрёжу, по-простому, то молитва Господу, чтобы дядю любимого во время Грюнвальдской битвы проткнули чем-нибудь острым, до бога дошла. Подумал, он пошкрябал бороду седую, дедоморозовскую и решил, что

инициатива имеет инициатора.

– Иванушко, на тебя сию миссию возлагаю. Отправляйся и ты в Пруссию.

А выглядело это так.

Уехал на следующий день Александр фон Лаутенберг в свои Пиньки с целым возом рыбы и десятью марками, а ещё с напутствием от любимой старшей сестрёнки – беречь себя. Один и последний, дескать, родич ты у меня на всём белом свете остался.

Ещё его преподобный отец Мартин перекрестил на дороге, ещё Матильда мазей несколько баночек дала, для обработки ран.

Не всё так благостно для Александра закончилось. Иоганн выдавил из него расписку, что шестьдесят марок Александр фон Лаутенберг берёт под залог дорфа Пиньки. И если померёт или не отдаст долг в течении пяти лет, то дорф переходит во владения Иоганна фон дер Зайцева. Все старые расписки при этом барону – братцу вернули. Заверил расписку преподобный отче, потому и удалось ему перекрестить Александра перед дальней дорогой.

Прошло уже два дня после отбытия Александра, пока не Македонского, третий к вечеру близится, жизнь в баронстве устаканилась. Школьники учатся, новики тренируются, Мария слёзы льёт, Герда руки потирает, Иоганн учит латынь и греческий, Самсон учится ходить без помощи костылей и даже без помощи трости. Падает, стонет по ночам, но мужик

упорный, не уступит Маресьеву, а раз тот научился, по словам пацана, ходить, то и он научится. Фон Бок продолжает на деревянных мечях рубиться со Старым зайцем и Иоганном. Все при деле. А, пацаны ещё варят мыло и коптят рыбу. Вот, теперь точно все при деле.

Так прошло два дня и третий близится к вечеру, даже ворота уже закрыли, заперев тем самым неподъёмным брусом, и тут на барбакане Старый заяц стал вопить, а чуть позже рог пронзительно завыл за стенами. Это было что-то новое, так обитателям замка ещё «Спокойной ночи» не желали. Враги трубить не будут, пришлось открывать ворота. И брус, естественно, застрял, а дождь весенний весь день грязь разводил.

Не сильно понятно было, как относиться к новости, что выдал им старший из троицы въехавших в ворота... воинов? Так нет, герольдов? Посланцев, должно быть. И послал их Его Высокопреосвященство архиепископ Риги и тёзка Иоганн V Валленроде. Нужно барончику с двумя опекунами и Старым зайцем, как можно быстрее, прибыть перед его светлые очи. На самом деле, глаза у архиепископа были карие, хоть сам вполне себе белокурой бестией являлся. Длинные чуть курчавящиеся патлы соломенного цвета ниспадали на плечи хозяина Риги и её окрестностей.

На вопрос, а чего их Преосвященство желает, посланцы плечиками пожимали. Послали их не рассказывать про планы архиепископа, а вызвать в Ригу Иоганна с опекунами. Какое из двух немецких слов шнель и Рига тебе не понятны?

В Ригу почти нечего было везти. Мыла мало совсем наварили, всю рыбу, приготовленную на продажу, подарили фон Лаутенбергу. Янтаря нет, балясины не берут. Есть немного выточенных из дерева мисок и кружек, но из-за этих копеек целый обоз организовывать не стоит. Картины две есть. Обе – это Мадонны Рафаэля. Иоганн доделал с помощью брата Сильвестра вторую «Мадонну с канделябрами» на продажу и сам уже, без помощи братьев всяких, решился на «Мадонну Конестабиле». Эту выбрал по двум причинам. Первая и главная, он на календаре на даче её множество раз видел и в Эрмитаже стоял разглядывал, удивляясь рассказу экскурсовода. Женщина сказала, что первоначально картина нарисована на дереве, а здесь в Эрмитаже её перенесли на холст. Как это вообще возможно? Как можно, не повредив, снять краску, которой пять с лишним веков, и перенести это на холст. Не может существовать такой технологии, тем более, краска пропитать должна верхний слой дерева, срастись с ним. Писали же на мягкой пористой древесине. Потому, Иван Фёдорович на календаре даже с лупой осмотрел картину соображая, как это можно сделать. Словом, рассмотрел не раз и очень тщательно, запомнил каждую складочку на синей мантии (Мафорий – четырёхугольный плащ), что укрывает Деву Марию. И синий цвет – это вторая причина. Все свои краски истратили, все краски, что брат Сильвестр забрал из монастыря, тоже, а вот синяя осталась. Она не нужна была в тех картинах, что они рисовали, там жёлто-красные тона.

Зелёную краску у брата Сильвестра тоже истратили, изготовив, смешивая с красной, коричневую. А синяя осталась. Не правильно это.

Вот теперь и синей краски тоже нет. Иван Фёдорович себя не обманывал, он не Рафаэль. Даже до уровня художественного училища не добрался. После школы подал заявление в Архитектурный институт и рисунок сдал, а вот балов не хватило поступить. Пришлось год поработать на стройке и поступить на следующую осень на стройфак. Почему не забрали в армию он и сам не понял. Медкомиссию он прошёл, когда повестку получил и даже проводили его, как положено родственники и друзья, а в Егоршино домой отправили всю их группу. То ли план выполнили, то ли чего с бумагами начудили? Не довели до подстриженных уже пятерых парней. Не повезло вам, ребята, не отдадите долг Родине в этот раз. Вот вам билет, езжайте домой.

Так не считал себя Иван Фёдорович Рафаэлем, но тот только через сто лет начнёт творить, а то, как рисуют сейчас, не понимая, что такое перспектива, и не работая с тенями, и рисуя плоские картинки, тоже гениальными творениями назвать нельзя, уж всяко раз он рисует лучше брата Сильвестра.

Эту Мадонну Иоганн решил тоже архиепископу подарить. Ещё нарисует. Настанет весна, приплывут купцы, и закажет им брат Сильвестр, который знает, у кого нужно покупать краски и ингредиенты к ним, и синюю и зелёную краски.

Нарисует ещё картин. Повторять всегда гораздо легче, чем писать в первый раз. И получится лучше, вот те будут продавать, а сейчас лучше задобрить архиепископа, тем более непонятен был этот вызов.

А вот выехать на следующий день у них не получилось. И виной тому транспортные средства.

Событие восьмое

Намучавшись и настрадавшись под дождём, мокрым снегом и холоднющими северными ветрами, а ещё насмотревшись, как страдают мачеха с датчанкой, от непогоды во время визитов в Ригу, Иоганн решил телеги превратить в Гелендвагены. Не хватало малости совсем, глушитель... Крыша ещё с люком... Опять же свечи накаливания для дизеля. Отбросил эту мысль Иоганн, ну, где тут свечи накаливания купить, и решил барончик делать Студебеккер. Не последней модели. А самой-самой, что ни на есть, первой. То есть, изобрести кибитку, крытую, колонистов американцев, отправляющихся в таких повозках на Дикий Запад. Борта нарастили, раму для брезента соорудили, поставили, обтянули парусиной и прокатились до Кеммерна. Получилась хрень полная. Жёсткости не было, и конструкция получилась тяжёлой для колёс. Пришлось барончику впасть в изобретательство. И вот уже третий или четвёртый месяц Иоганн с Угнисосом и тремя плотниками во главе с Игнациусом Сту-

дебеккер улучшают. То колёса сделают больше диаметром и шире, то потом вообще их железными сделают. Потом железом укрепляли конструкцию арок. А теперь два месяца бьются над изобретением брезента и масштабированием полученной ткани. Иван Фёдорович о том, чем пропитывают парусину только в книжках про попаданцев читал. Вроде нужен воск, растворённый в керосине. И??? Где тут можно купить керосина в 1410 году? Его ещё в алюминиевые бидончики наливают. Попробовали в конопляном масле воск растворить, и вот ведь зараза, пчелы не только мёд неправильный дают, но и воск. Этот воск отказывался в масле растворяться. Тогда, вспомнив про стеарин, Иоганн его получил. И вот ведь невезуха, и старин в масле не стал растворяться. А ведь стеарин не пчёлы делают, а конопля. А ещё что-то в голове вертелось про яйца. Или это уже кирза?

Последняя попытка оказалась удачной. Взяли конопляное масло нагрели до сотни примерно градусов и вмешали туда воск, потом остудили жидкость и вмешали туда белок яиц, и облили этим парусину, и сразу начали горячим раскалённым на огне утюгом проглаживать. Получилось грязновато, утюг можно было чуть холоднее сделать, кое-где получились коричневые пятна. Но все эти эксперименты проводили на небольших кусках парусины, а большие куски уже пропитывали и проглаживали с нужными температурами. Потом женщины в Кеммерне сшили куски и этим полотном обтянули каркас. А чего тот самый Студебеккер явно хуже был,

чем у Иоганна получился. Надёжный, на железных колёсах, широкий, с лавками и даже креслами. Вещь!

А вот вторую повозку для женщин чуть не успели доде-
лать, и потому выезд в Ригу на один день отложили, и це-
лый день в авральном порядке обтягивали каркас брезентом
и мебелью его внутри заполняли. Зато все в комфорте доби-
рались... Ну, кроме пяти новиков и Семёна. Эти на коняш-
ках в арьергарде и авангарде каравана двигались. Не, ну, а
как, на то она и служба.

Наученные, зато горьким опытом, двинулись чуть свет.
Четверки или четверики дестриэ легко тащили два тяжёлый
фургона «Конестога». Это так речка называется, куда первые
такие фургоны в Америки отправились. Так что до сумерек
добрались до Риги и были под выкрики и ор толпы, окру-
жившей небывалые повозки, впущенными стражниками че-
рез мост в Ригу. И тут оказалось, что кое-где в поворот эти
громадины либо не вписывались, либо проходили с огром-
ным трудом, круша хлипкие заборы и разрывая новенький
брезент, на котором и муха не сидела. Нет мух зимой. Еле-
еле, уже в полной темноте, добрались до своего подворья у
башни Песчаная. И тут беда. В каретник влезать эти монстры
отказывались.

– Иоганн! А зачем ты их сделал такими большими? – Ма-
рия, которая датчанка, еле выползла из фургона по пристав-
ной лестнице.

– Дебил, потому что! – ну это под нос.

– Хотел, как лучше, а получилось, как всегда, – парень пожал плечами.

А утром на приёме у епископа Риги оказалось, что это было предчувствие. Знал, что именно такие монстры ему и понадобятся. Так ещё и мало сделал, три было бы лучше, а десяток так в самый раз.

Событие девятое

Когда орден разделился на куски Иоганн не знал, но как он понял, прожив в этом времени уже восемь месяцев, сейчас Ливония уже чисто номинально подчиняется Мариенбургу. У них своя свадьба, у Ливонии своя. Фактически Ливонией правят Ландмейстеры Тевтонского ордена в Ливонии. И сейчас это Конрад фон Фитингхоф, и у него своя война с Псковом и Новгородом. Она не настоящая, но то одни на других нападут и пощиплют, то другие на третьих. А самое главное, что Конрад фон Фитингхоф, чтобы обезопасить Ливонию в случае конфликта с Новгородской Республикой заключил особый мир с великим князем Литовским Витовтом. Тем не менее, всё же Великий Магистр есть, и он отдал приказ, настоятельно попросил, рыкнул, пригрозил, вымолил, нужно подчеркнуть, что Ливония выставит на эту войну с Ягайло и Витовтом свою хоругвь. Обычные добровольцы. И именно в этой хоругви и должен быть Александр фон Лаутенберг.

Собирается она в Мемеле.

Так этот гад (Александр фон Лаутенберг) рассказал епископу Риги, что у барончика фон дер Зайцева есть сорок воёв и сидит в замке юнкер фон Бок, якобы, бывший вояка, а ещё есть несколько кутилье старого барона, и все они бездельничают, когда Родина в опасности. Так мало того, у барончика денег хватит выставить и прокормить в дороге всех этих сорок бойцов, которых так не хватает их хоругви.

Вот именно с этого и начал Иоганн V Валленроде, когда Иоганн с мачехой и преподобным отцом предстали перед троном архиепископа.

– Сорок конных воинов под командованием фон Бока? – не поверил своим ушам Иоганн.

– Так мне два дня назад сказал твой опекун барон Александр фон Лаутенберг. Я не поверил, уж больно большая цифра, но он поклялся именем Господа нашего. Преподобный Мартин, не клятвопреступник же барон фон Лаутенберг? – архиепископ был явно в плохом настроении. Эта война уже сильно ударила по Риге, она практически свела его доходы к нулю, она ежедневно приносит ему проблемы. Нужно быстрее победить схизматиков с Литвы и не настоящих католиков в Польше. И зажить прежней сытой и спокойной жизнью. Ну, и письмо от Ульриха фон Юнгингена, Великого магистра Тевтонского ордена, что ежеминутно мозолило глаза, хорошего настроения не вызывало. Где он возьмёт тысячу воинов? И не меньше не больше – столько требовал

с него Великий магистр. Войско, в формировании которого ему вменялось принять участие будет называться: «Хоругвь рыцарей Ливонии и Рейнской области». Якобы рыцари Рейнской области обещали прислать более сорока копий.

Преподобный Мартин сжался под пристальным взглядом разгневанного архиепископа.

– Тридцать новиков. Но они дети совсем. Им только-только пятнадцать лет исполнилось, а некоторым так и не исполнилось ещё. Я не знаю, Ваше Высокопреосвященство...

Договорить ему архиепископ не дал.

– Тридцать и шесть арбалетчиков, что я послал? Они способны сражаться? – Валленроде перевёл злые коричневые буркалы на сержанта Ганса Шольца.

– Хм. Я уверен, Ваше Высокопреосвященство. Только как добраться до Мемеля, что есть в дороге, чем питаться, а потом от Мемеля до Мариенбурга – это почти месяц в сумме добираться? – Старый заяц войны не боялся, но и не рвался туда. Сытая жизнь в последние месяцы в замке фон дер Зайцева приглянулась старому вояке.

– Выходит, я ничего не напутал и вас семь человек?

– Семь, – а чего ещё Старому зайцу отвечать.

– Фон Бок и сколько-то там опытных кутилье барона. Значит, всё точно сказал барон фон Лаутенберг, баронство может выставить сорок конных воинов. Александр говорил, что у вас целый табун рыцарских коней? – на этот раз под злые карие глаза попала фрайфрау.

– Табун...

– Иоганн, про продажу твоих картин вся Рига говорит. И принимая во внимание их стоимость, я уверен, что вы найдёте денег, чтобы снабдить сорок воинов под командованием юнкера фон Бока припасами на дорогу. Нужно в течении недели отправить их в Мемель с этими припасами.

– Ик.

– Что ты сказал?

– Я, Ваше Высокопреосвященство, нарисовал для вас новую картину. Это Мадонна с младенцем Иисусом и библией в руке, – сделал попытку откупиться Иоганн, и понял, что только напрасно сжёг ценный ресурс. Где порсунка, пусть и красивая, и где сорок всадников. Несоизмеримые величины.

– Картину?! Очень хорошо! Давай её сюда. А я пока дам распоряжение отцу Бенедикту моему помощнику написать письмо для отряда фон Бока комтуру Мемеля Ульриху Ценгеру. Он возглавит нашу хоругвь. Вы там вольтётесь в войско под командованием ливонского ландмаршала Бернхарда фон Хевельмана.

– Мы?

– Они. Сорок всадников под командованием юнкера фон Бока.

– Ваше Высокопреосвященство... – Иоганн задумался как правильно вопрос сформулировать, – Ваше Высокопреосвященство, а у кого сейчас можно узнать, как развивалась война Ордена с Польшей и Литвой. Там ведь тоже были сраже-

ния, не только к Риге войска повстанцев подходили?

Архиепископ не ответил, картину с синей Мадонной рассматривал. А ведь человек истинно в бога верит, решил Иоганн, вон как глаза заблестели у тётки, и это не алчность в них блестит, это слезинки, радуется до слёз, что Мадонну с младенцем Христом узрел. Два монашка держали перед Его Высокопреосвященством картину, а Валленроде плакал и крестился. Так ещё сквозь слёзы и улыбка трогала кончики губ. Длилось это долго. Наконец, архиепископ оторвался от картины и махнул рукой, чтобы монахи отнесли её от трона.

– Великий дар тебе достался Иоганн. Тебе бы съездить в Геную или Венецию и поучиться в этих центрах культуры у настоящих мастеров. Что ты спросил, я прослушал? Разве можно говорить о проклятой войне смотря на это чудо?!!

– Ваше Высокопреосвященство, мне бы поговорить с человеком, что участвовал в этой войне до перемирия? – повторил вопрос парень.

– Зачем? – тётка достал платок из рукава и промокнул глаза.

– У меня отец и двое братьев погибли недалеко от Мемеля, я бы не хотел, чтобы и сыновья тех воинов, что погибли с отцом, попали в такую же западню. Хочу понять, где и как сейчас стоят войска наши и польские с литовскими, где обосновались восставшие жмуды, чтобы спланировать маршрут движения отряда фон Бока.

Глава 4

Событие десятое

Великий магистр фон Юнгинген, вычислив маршрут врага, первым прибыл к Грюнвальду с войсками и принял меры для укрепления позиции, вырыв и замаскировав «волчьи ямы» – ловушки, расставив пушки, арбалетчиков и лучников. Как ни плохо Иван Фёдорович Зайцев помнил прочитанное в школе, и потом как-то в интернете, про Грюнвальдскую битву, но вот это почему-то в памяти задержалось. А ещё, что эта самая артиллерия была не немецкой. Ну, не Орденской. Артиллерия была венгерской. И там было совсем не много людей и бомбард. Триста воинов? Нет не вспомнить, но не больше, бомбардиров венгерских, и что-то около двух десятков орудий самого разного калибра от маленьких совсем до пятипудовых. (по некоторым данным бомбард было всего – 16). Бомбарды при этом не сыграли никакой роли в этой битве, они успели выстрелить по одному разу, или по два, и тут начавшийся сильный дождь эту артиллерийскую подготовку прекратил.

К чему это? А к тому, что Иоганн решил отправить с фон Бокком две свои деревянные пушки на тачанках. И нужно бы-

ло пороха прикупить. В результате целого дня тотального обшаривания Риги и её окрестностей было приобретено за пятнадцать марок два пятидесятифунтовых бочонка пороха и в розницу, так сказать, ещё около десяти фунтов пороховой мякоти. Если переводить на нормальные меры, то получалось, что около сорока пяти килограмм удалось добыть. При условии, что из деревянных пушек больше четырёх выстрелов делать опасно, пороха с избытком должно хватить. НО!!! У них же есть пистолы и пищаля. А вот с их учётом такое количество пороха избыточным уже не казалось.

– Может у венгров удастся немного пороха раздобыть? – сам себя и фон Бока с Самсоном успокаивал Иоганн.

Больше в Риге покупать было нечего. Нет, Иоганн облизнулся на парусину... А потом тупо посчитал, сколько нужно ткани на одну палатку, скажем, на десять человек, как в армии в двадцатом веке, когда Иван Зайцев сборы проходил для присвоения звания лейтенант. Или там на двенадцать человек были? Ну, не важно. А у него отправляется больше сорока человек. То есть, нужно пять палаток. И всю эту парусину пропитывать воском с маслом и яйцами. А главное, шить потом палатки. Нет. Этого просто не успеть за ту неделю, что ему выделил на сборы отряда архиепископ. У него есть одна большая палатка человек на пятнадцать из парусины. Её сшили этой зимой для будущих добытчиков янтаря и водорослей. Чтобы пацаны могли передохнуть и укрыться от дождя, если попадут под него «работая» на побережье. Её

придётся отдать. И есть кусок парусины, что над сеновалом натянут. Сено кончилось и этот навес можно снять. И натягивать уже там вечерами, ожидая прибытие польско-литовского войска. Плюс два Студебеккера. Да ни у одного барона или даже комтура какого люди не будут в лучших условиях. У магистра или ландмаршала будут шатры, так, где Великий магистр и где мелкий баронишка из Ливонии?

Сразу после того, как архиепископ их отпустил, Иоганн отправил в замок одного из новиков, плюнув на безопасность. Вёз Михайло один единственный приказ управляющему и Герде, нужно бросить все дела и, несмотря ни на какие причины, начать срочно ловить и коптить рыбу. То же самое с курами и свиньями. Посчитать сколько за неделю смогут закоптить, если коптить день и ночь и резать свиней и курей в нужном количестве. Если уж фон Лаутенберга снабдили возом копчёной рыбы, то своих мясом и рыбой, которая быстро не испортится должны обеспечить.

Сам Иоганн в пристрое к Домскому собору в небольшой комнатушке, что служила отцу Бенедикту – если перевести на современный язык, то секретарю архиепископа, и кабинетом, и библиотекой, и спальней, и столовой, выслушал небольшую лекцию по событиям прошлого года. Оказывается, отец Бенедикт был кем-то вроде наблюдателя от Ливонии в войске Великого магистра и все эти события проходили либо при его непосредственном участии, а именно он писал письмо королю Венгрии Сигизмунду, либо он был свидете-

лем этих событий.

– Что же ты хочешь узнать Иоганн? – седые волосы и седая борода явно старили священника и рыцаря в прошлом, но голос и осанка говорили, что перед Иоганном на высоченном стуле, великанском таком, сидит далеко не старик.

– Ваше преподобие, я бы хотел узнать всё, даже почему лебеди белого цвета, но вы расскажите мне про прошлый год. С чего эта война началась и как закончилась перемирием.

– Хм. Лебеди белые, потому что такими их Господь создал, тут нет никакого секрета.

– Точно, но почему белыми, чтобы охотники их издали видели? – так уверенно это отец Бенедикт сказал, что парню захотелось с ним поспорить и про Дарвина рассказать. Чем-то похож, между прочим, отец Бенедикт на портрет дедушки Дарвина, что у них в школе висел в кабинете Биологии.

– Неисповедимы пути Господни. Так про войну. У меня ещё дел полно и потому рассказ будет кратким. В конце весны в Жемайтии началось восстание. Теперь понятно, что это литвины его организовали, они же и крестьян вооружили, они же и сами в нём участие приняли. В ответ Великий магистр отправил небольшие отряды рыцарей на подавление восстания, а часть на набеги на пограничные поселения Великого княжества Литовского, чтобы им было не до восстаний. Тогда король Польши Ягайло устроил набег на пограничные города Ордена. Нам пришлось вывести войска из

Жемайтии и все их собрать на границе с Польшей. Великий магистр Ульрих фон Юнгинген 6 августа прошлого года объявил войну Польскому Королевству и Великому княжеству Литовскому. Он надеялся победить Польшу и Литву по отдельности и начал с набегов на Великую Польшу и Куявию. Нам удалось спалить замок в Добжине, а дальше после четырнадцатидневной осады захватить Бобровники, завоевать Быдгощ и несколько других небольших городков и десятки поселений. Однако после этого удача отвернулась от Ордена. Поляки организовали контрнаступление и вернули себе Быдгощ, а жемайты атаковали Мемель. В том набеге погиб и твой отец с братьями. А потом часть литвинов и повстанцы, с другой стороны ударили на Ригу. Слава богу, сил взять город у них не хватило.

После того как повстанцев отогнали от Мемеля и Риги война почти прекратилась. Кроме того, Римский король Венцель согласился урегулировать конфликт. Удалось заключить мир, чтобы собрать силы. Мирное соглашение между Польшей и Орденом было подписано 8 октября 1409 года со сроком действия до 21 июня 1410 года. По этому договору, и мы и поляки должны были оставаться на своих местах и не помогать жемайтам, а также не принимать их помощь. Великое княжество Литовское не участвовало в переговорах, однако позже Великий магистр фон Юнгинген заключил перемирие и с Витовтом.

Римский король Венцель, получив от Великого магистра в

дар шестьдесят тысяч флоринов, объявил, что Жемайтия по праву принадлежит нам, и только Добжинскую землю нужно вернуть Польше. Ульрих фон Юнгинген также заплатил за военную поддержку триста тысяч дукатов королю Венгрии Сигизмунду, который попытался разбить польско-литовский альянс, предлагая Витовту королевскую корону. Если бы Витовт принял это предложение, то это бы нарушило условия Островского соглашения и вызвало бы польско-литовские разногласия. Однако этого не произошло, и король Венгрии отправил к нам небольшое войско с бомбардами. А сейчас обе стороны собирают силы.

Всё, Иоганн, я рассказал всё, что знаю сам. И я думаю, что сделал это зря. Однако, Его Высокопреосвященство велел мне, и я исполнил его волю. А теперь ты езжай домой и тоже исполни его волю, отправив в Мемель сорок воинов. Я буду молиться за них.

Событие одиннадцатое

Домой Иоганн ехал, погрузившись в собственные думы настолько, что только заметил, как мимо Пиньков проезжают, а потом снова отключился. Дума была не новая. Он её уже несколько раз думал. Он же русский! Почему же его не тянет на Родину? Ну, да, в Екатеринбург? Кто там сейчас? Башкиры? Вогулы? Татары? Однако, точно не русские. И ещё несколько веков там никаких земляков не будет. То-

гда в Москву? В ту самую, которая ещё десяток раз сгорит, с боярами и неадекватными правителями. Нет, спасибо. Даже, большое спасибо. А к деду в Господин Великий Новгород. А там чего хорошего? Вечная война с псами-рыцарями и Москвой?

Ну, это знакомая уже дума. Он её никак не мог до конца додумать, всё время более важные дела появляются. Да и не ко времени она. Что может ждать тринадцатилетнего пацана на Руси? Ничего кроме смерти. Тут хоть выжить можно.

Дума думалась и дальше. Вопрос у него назрел. А за кого он будет в Грюнвальдской битве? Кто противники Ордена?

Там будет Смоленский полк, и на уроках истории учительница говорила с гордостью, что именно смоляне хоть и погибли почти поголовно, но сдержали атаку тяжёлой рыцарской конницы. «Наши» они или нет? Одна интересная информация в мозгу крутилась. В 1633каком-то то ли тридцать третьем, то ли ещё позже, Россия выкупит у Речи Посполитой Смоленск за десять, кажется, тысяч рублей. Может и за сто, не важно. Запомнилась другая цифра, по условиям договора все желающие могли уйти в Литву или Польшу. Так вот, ушли все. Весь город. Когда туда пришли русские, то там осталось только двести умирающих стариков и калек, которые не могли уйти. Не захотели, а не смогли. Так что вопрос, а чьи стороне смоляне сейчас – вопрос спорный.

Дальше там наши татары. Ну, да там привлекли на эту войну сына Тохтамыша. В состав войска Великого княже-

ства Литовского входило, если Ивану Фёдоровичу память не изменяет, до трёх тысяч союзных татар под командованием Джелал ад-Дина. Тохтамыш побитый сначала Тамерланом, а потом свергнутый темником Едигеем сбежал в Киев вместе с сыновьями и приличным войском. Где и осел на время. Киев – это Великое княжество Литовское в это время. Сейчас уже помер. И временно переехавшие в спалённую им Москву сыновья Тохтамыша вернулись назад в Киев. Сейчас это татарское воинство идёт по Мазовии на север, грабя по дороге эту область, насилая женщин и убивая детей, а мужчин отправляя в рабство. Дойдёт до того, что воеводы литовские и польские восстанут и потребуют наказать виновных, иначе они повернут свои хоругви домой. Витовт пообещает наказать виновных и ничего не сделает. Ну, это Витовта дело. Он, кстати, вместо того, чтобы татар приструнить, поймаёт двух литвинов мародёров и заставит их самих себя повесить. В назидание другим.

Так что дальше будут делать татары? Татарская легкая конница на правом фланге пойдёт в атаку, и попробуют они арканами стягивать рыцарей с коней. Успех будет так себе. Рыцарям это надоест, и уже они пойдут в атаку. Стопчут лёгкую татарскую конницу, и те бросятся бежать, увлекут за собой литвинов и снесут по дороге присланных на помощь ляхов. Улепётывать будут аж до Бреста. И только небольшая часть вернётся добивать рыцарей. А вот Джелал ад-Дина ждёт интересная судьба. Вскоре он сядет на трон Золотой

орды. Правда, ненадолго, брат его родной свергнет и убьёт.

Нет. Эти татары точно не свои. А то, что они пограбят и поубивают людей в Мазовии, так это плюс для России. Чем меньше ляхов в мире, тем лучше.

Поляки ещё там есть. И их там много, далеко за десять тысяч, а то и все двадцать. Ляхи? Ну, это главный враг России. Самый главный. И будет врагом до того момента, как Иван Фёдорович перенесся в это время, до двадцать первого века. Именно они распространяют русофобию на всю Европу. Поляки точно не наши.

Там будут чехи и даже сам знаменитый Ян Жижка. Правда, не понятно с какой стороны. Гуситы воевали с обеих сторон. За деньги, понятно. Кто платит за того и воюют. Чехи? Враги ли они? Враги однозначно. Половина техники Гитлеровской Германии производилась в Чехии, почти все танки. И почти все мотоциклы, а ещё снаряды и бомбы, что сбрасывали на наши города. И потом в войне на Украине они будут главными поставщиками оружия. В итоге можно во враги чехов смело зачислять.

Остаются литвины, читай белорусы. Ну, потом окажутся на правильной стороне. Но вот только что с теми же татарами Джелал ад-Дина совершили набег на Русь и пожгли десятки городов и сёл, а жителей увели в рабство, обескровив огромную территорию.

Литвины сейчас большие враги, чем поляки и татары. Они рядом, и они всё время совершают набеги, откусывая от Руси

кусок за куском.

Вывод какой. Против Ордена сейчас собрались все вместе главные враги России. И, одержав победу, они усилятся и станут ещё большим врагом. Поражение Польши и Литвы было бы замечательным итогом этой битвы.

Жаль коротка кольчужка. Что могут сделать четыре десятка человек, при этом часть очень слабо обученных, против тридцати тысяч врагов?

Событие двенадцатое

Студебеккер катил по грязи. Чуть покачивало, но большие, широкие металлические колёса даже без всяких рессор делали движение более плавным. Тем более, ветер с моря сквозь брезент внутрь фургона не попадал, а выглянувшее неожиданно солнце быстро согрело воздух внутри фургона. Вполне комфортное путешествие получалось.

На обед опять остановились на поляне мертвецов, Иоганн, осматривая реку, пока кашеварили Семён с новиками, вдруг подумал, а водятся ли тут раки? Вспомнилось, как этих самых раков, варёных с укропчиком и лавровым листом, под пиво принимал на Украине у родственников. Красота. Надо будет пацанам задание дать, с фонариками выйти вечером на реку. Фонарики? Ну... Да, факела ничем не хуже. Пиво? Что за невезуха такая, он в Риге попробовал пиво местное, гадость гадостью, не научились ещё. Нужно найти и в плен

взять тех монахов с Козела Велкопоповицкого. Там же будут чехи?! В Грюнвальде?

Эта мысль вернула Иоганна к Грюнвальдской битве. На той стороне, что в школе считали как бы нашей, на самом деле собрались все злейшие враги России, это он понял. А вот кто будет биться на этой стороне. С севера, так сказать.

О, там понамешано ещё больше, чем с южной.

Венгры есть, и рыцарей немного и артиллеристы – бомбардиры с бомбардами, которые, скорее всего, достанутся ляхам.

Венгры? Это фашисты. И венгры – это Австро-Венгрия, которая якобы будет почти всегда союзником России и всегда будет её предавать. Но сейчас пока Венгрия не враг. И она может, если артиллеристам венгерским чуть помочь, нанести гораздо больший вред татарам и литвинам, чем в Реале. Ну, подумать нужно. Разрезать палатки и верх Студебеккеров на куски и сделать навес над бомбардами от дождя. И стрелять не каменными ядрами, а каменным дробом. В упор по татарской коннице. Думать надо. Может и не резать палатки, всё же немного парусины они в Риге купили. Чтобы сделать небольшие навесы на шестнадцать орудиями, хватит.

Еще там будут польские князья. Про них Иван Фёдорович не знал вообще ничего. Но Речь Посполитая очень долго из кусков собиралась, и всегда были те, кто собираться не хотел.

Эти поляки такие же враги, как и противоположные, юж-

ные, и чем больше их помрёт тем лучше.

Ещё будет несколько хоругвей из разных немецких земель. Да, тоже враги врагами. И чем больше погибнет, тем тоже лучше.

И наконец рыцари-братья и полубратья (это те кто обет безбрачия не дал) из Пруссии и Ливонии.

И что? Враги они России? Если так-то судить, то в данный момент просто лучшие друзья. Разбив ляхов, они могут предотвратить объединение Литвы и Польши. И, чем чёрт не шутит, даже стравить их между собой. Сейчас это просто братья, как бы, Ягайло и Витовт, точнее, двоюродные братья, и они вечно цапаются между собой, там самая настоящая гражданская война была совсем недавно. Это они объединились сейчас против общего врага, а если этот враг их разобьёт, и они начнут выяснять, кто виноват, и вновь начнут войну между собой, то будет просто замечательно.

Так что же могут сделать четыре десятка новиков и арбалетчиков против тысяч литвинов, русских, татар и ляхов? Если тупо встать в ряды, и если ими будет командовать фон Бок, то все они погибнут, или, в лучшем случае, попадут в плен, и потом их нужно будет оттуда выкупать.

А если он там будет? Там будет драпание татар и литвинов. А что если ударить им во фланг при отступлении и потом захватить татарский лагерь вместе с чингизидом и будущим Великим ханом Золотой орды Джелал ад-Дином и его братом. А когда часть татар и литвинов попытается че-

рез несколько часов вернуться, встретить их в упор огнём из орудий своих и венгерских. А ещё из пистолей и мушкетов. Татарские лошади точно к огню не привыкли удержат снова.

Хватит ли этого, чтобы переломить ход битвы? А чёрт его знает. Там проиграли немцы из-за того, что завязли, пойдя в атаку. Не надо идти в атаку. Нужно ждать пока начнут атаку поляки и массово полягут в волчьих ямах и наткнувшись на длинные копыта рыцарей.

Нда! А ведь придётся, наверное, и ему впрягаться в эту войнушку. ВО!!! Заодно и чешских пивоваров в плен возьмёт!

Глава 5

Событие тринадцатое

– Оруженосец? Оруженосец?!

– Кнаппен, – так это звучало на немецком. Иоганн немно-го разобрался уже в местных воинско-рыцарских заморочках. Если частностями пренебречь, то выглядело это так. Внутри Тевтонского ордена действовала строгая иерархия: рыцари и священники – основные, оруженосцы и полубратья – вспомогательные. На одного рыцаря приходилось десять оруженосцев и полубратьев. Ещё были кнехты. Вооруженные «кнехты», державшие копья рыцарей, стояли в строю перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы эти самые «кнаппен» с походными лошадьми находились в последней линии. Получается, оруженосец, но без оружия.

Ещё есть одна прикольная штука, фон Бок поведёт в хоругвь (по-немецки: «баннер») отряд в сорок человек, ну, тут количество не очень важно. Тут название прикольное. Такой отряд назывался «трупп». Должно быть труппа в театре именно отсюда пошла. А может труппы – мертвецы отсюда пошли, так как война на дворе, и один за другим и все члены

этой труппы быстро превращаются в труппы.

– Иоганн... – монах расстрига замялся, – Иоганн, но там будет тяжёлая война. Это не оборона замка. Там могут убить.

– А у реки была простая прогулка? Мы же по лесу гуляли, ромашки собирали? – возражал Мартин фон Бок слабо, просто на самом деле переживал за жизнь парнишки. Иоганн хоть и вытянулся за последние восемь месяцев, и даже, из-за постоянных физических нагрузок и тренировок, в плечах раздался, а из-за усиленного белкового питания массу набрал, но тринадцатилетним шкетом быть не перестал. Пусть даже высоким шкетом.

– А как же замок? Как же фрайфрау Мария? Кто будет защищать замок и женщин? – такую улыбку выдал фон Бок, что даже гордость Иоганна посетила. Нашёл аргумент? Ай, молодца! Показал незаменимость в таком деле. Доверил ему единолично замок целый оборонять и три дорфа. Илья Муромец, а не шкет.

– Мартин, ты ведь в курсе, что архиепископ пошлёт сюда «брата-сарианта» (сержанта) Вольфганга Богата с шестью арбалетчиками. Конечно, один пацан плюсом резко усилит эту защиту. Раза в... сэм-восэм.

– Ну, ты ведь наследник...

– Всё, это не обсуждается. Я еду с вами. Думаю, к концу лета мы вернёмся. Зимой воевать не хочется.

Если честно, то убить целое лето на эту совершенно не нужную ему войну, Иоганну не сильно хотелось. Здесь бы

черепицу начал делать. Краски. Картину янтарную ещё какую-нибудь новую придумал, с тигром, например, полосатым, или тираннозавром рексом, может же это чудище быть коричнево-жёлтым, никто ведь его не видел. А с клыков у рексы алая кровь капает, как раз кусочки почти красного янтаря можно в виде капель приклеить.

А глицериновое прозрачное мыло так и не сделал. А, ну да, с известью по-прежнему проблемы, а значит, ничего этого он сделать не сможет. В Риге можно купить и мел и обожжённый уже известняк. Вот только!!! Иоганн решил, что счастье подвалило, и сейчас он все проблемы свои махом решит, купит побольше извести и печь построит, и... И оказалось, что известь обожжённая стоит столько, что та печь, сделанная из серебра, дешевле выйдет. Что-то тут было неправильно. Но зимою, один чёрт, ничего строить и не собирался Иван Фёдорович, а потому проблему с известью в голове отложил на дальнюю полку. Вылежаться должна.

А теперь получится, что ещё на год придётся отодвинуть все интересные планы. В лучшем случае он вернётся в начале осени. А в худшем? А в худшем грохнут татары. Или ляхи. Ну, и тогда известь не нужна.

Герда слушала его наставления сжав губы и сдвинув рыжие брови, при этом с совершенно независимым видом выгребала козюли из носа и размазывала по новому платью, что за два дня сшила датская Мария из привезённого из Риги

драпа... Наверное, чем драп от сукна или крепа отличается, парень не знал.

– Янтарь собирайте и, сколько надо, пускайте на краски и картины, а самые крупные камни откладывай. Вернусь посмотрим, что можно сделать.

– Без денег не будут ребята собирать, раз соберут, два, а потом не пойдут, – рыжая замотала головой. При этом длинные волосы оторвались от плеч и попали в полосу света, заиграли настоящим золотом червонным.

Иоганн не полный дурак. Худой даже. Он и сам это понимал. Потому в этот раз в Ригу взял с собой десяток марок серебра и разменял на шиллинги и пфенниги. Целый мешок билонной мелочи получился. И вот сейчас с победным видом достав из-под стола мешок... мешочек, он громко шмякнул его перед рыжей бестией на стол.

– Десять марок. И ещё, я Отто сказал, чтобы он, как в Риге будет, месяца через три или два, ну, скажешь ему, как кончится мелочь, он ещё тебе наменяет.

– Ладно, тогда. А мыло? – как для дебила Герда показала, как руки намыливают.

– Я с Отто тоже договорился. По мере необходимости он будет льняное и конопляное масло покупать. Эксперимент со сливочным, ореховым, лампадным и прочими другими будем считать провальным. Мыло получается то же самое, только цена в несколько раз того масла дороже. Делаете мыло трёх разновидностей. Примерно шесть кусков из десяти

простого и по два куска медового и дегтярного. Да, как начнёт цвести шиповник, ребят отправь лепестки собирать и сварите мыло «Розовое» на лепестках шиповника. И с количеством лепестков сама разберись, не всё на один кусок истрать.

– Сам дурак.

– Да, я знаю. Просто боюсь, что и тебя заразил, – не удержался Иоганн.

– С хвойным, что не будем? Брали же, всё ушло, – поводила туда – сюда конопатым носом Герда, с низу доносился аромат горячего хлеба, как тут спокойно усидишь?

– Блин, я и забыл. Тоже по два куска делайте, – а ведь действительно забыл. Зеленоватое мыло, которое осенью сделали на пробу быстро разошлось, а потом за прочими делами Иоганн про него забыл и ведь не напомнил никто. Делать его было не просто, намучились тогда. Набрали живицы грамм сто и варили золу с добавлением нескольких кило иголок и свежесломанных веточек тонких. Живицу вылили уже когда масло добавили, и оно начало омыливаться, всплывая. И тогда получилось мыло, которое устойчиво пахло хвоей и было зеленоватого цвета.

– Глицериновое обещал, – Герда на мозоль с умильной улыбкой наступила, но приняховаться и ёрзать от нетерпения не перестала.

– Известь. Слушай, сестренка восьмиюродная, ты скажи пацанам пусть все мёртвые ракушки собирают. Если их при

высокой температуре, скажем, в горне у Угнисоса обжечь, то получится известь. Много не получить так, но за лето глядишь и насобираете на несколько котлов, сделаем известь и получим, как я приеду, глицерин, а уже из него прозрачное мыло.

– А мне рассказать, как делается не можешь? А то ещё убьют там тебя... Ты, это, братец восьмиюродный, не вздумай так умереть. Плохо без тебя будет.

Событие четырнадцатое

И закрутилось, всем срочно из-под него чего-то надо. И все отговаривают. А ведь и так Иоганн духом не крепок. Столько дел интересных, нужных и денежных приходится бросать. Только художественное училище одно чего стоит. Без него любимого это совсем не то. И учитель из брата Сильвестра, как из веника букет, как из пингвина сокол, как из доярки балерина, да и кто им идеи картин будет подкидывать.

Выражение есть крылатое: «Вдруг война, а я уставший». Вот, точно про него. За эту неделю устал больше, чем за предыдущие восемь месяцев. Один раз даже почти передумал, так все достали с уговорами не дурить и дома сидеть. Может и смалодушничал бы, но тут приходит Михайло, один из новиков – здоровяк такой, с детским лицом и пронзительными синими глазами, и спрашивает, а что с котлами, паца-

ны в них вцепились и не отдают. Им мыло варить и рыбу коптить надо.

Как?! Как этих вот детей, которые ребёнка боятся обидеть, лучше сами будут голодать полгода, отправить одних на войну?! С такими вот детскими моськами. Пипидастр полный. Это веник такой, если что.

Ещё в этот же день выбесил Георг – староста Кеммерна. Сказал, что тоже поедет, не может, дескать, одного юнге бросить. Сперва телячьи нежности, потом коровье бешенство, это староста кричать начал, что как он народу в глаза будет смотреть, что барончик воевать отправился, а он воин, прошедший десяток компаний, будет прятаться за тыном.

– А кто будет людей защищать этих, если сюда жмудь опять наведается.

– Я пойду в поход. Всё.

И посинел даже.

А может ли сюда кто покуситься? Вероятность к нулю близка. Все силы и Литва, и ляхи собрали на том поле у дорфа Грюнвальд, некому сюда рыпнуться. А ежели бандиты какие, то новый Старый заяц «брат-сариант» (сержант) Вольфганг Богат с шестью арбалетчиками, прибывший уже в замок, должен отбиться, а как уйти за реку всем из поселений, да и женщинам из замка от греха, Отто Хольте уже знает.

Собираясь, Иоганн не забыл и про Матильду. Купил у неё и заказал ещё всяких мазей от ушибов и раны намазывать, приобрёл кучу сборов от расстройства желудка и прочих ди-

зентерий, а также всё, что нашлось от простудных заболеваний. И раз десять, записывая рецепты и симптомы всякие, хлопал себя по лбу. Дебил, он и в Африке дебил. Вроде Володи, наподобие Кузьмы! Почему восемь месяцев назад не нашёл пацана нормального здоровяка эдакого, не боящегося крови и не приставил его учеником к ведьме. Чёрт с ним с заговором всяким зубов и приворотными зельями, и даже с отворотными, нужно было уговорить Матильду вырастить из такого пацана обычного медбрата. Перевязать рану, там, вывих вправить, кишки назад в распоротый живот запихнуть, может само рассосётся, ну по крайней мере стянуть шёлковой ниткой края не очень большой раны. Что ещё? А, вот жгут при ранении наложить и лубок, если кость сломана.

Как бы сейчас в походе такой хлопец пригодился.

– А ведь лучше в 23:00, чем через четыре года. Никогда не поздно только сдохнуть. Матильда, знаешь о чём я думаю? – отдав три серебряные марки за мази и сборы, при этом явно занизила стоимость колдунья, спросил её Иоганн.

– Лекарь тебе в поход нужен, чего тут гадать, – Матильда ткнула пальцем в открывшую рот помощницу.

– Перебор. Мы послезавтра отчаливаем, а ты брось клич всё же в дорфах, чтобы тебе парнишку лет... ну, тринадцати – четырнадцати в ученики палками родичи пригнали. Дураков только не бери. Если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет, то нам нужен орёл, а дурак пусть махать нам рукой у плетня, спозаранку с мамашею станет.

Песня такая есть у русских.

Матильда круглую свою рожицу сплюснула кулачками, вздохнула и кивнула.

– Хорошо, Иоганн, поищу я ученика. Бог даст и выучу. А сейчас нагнись, оберег тебе на шею надену. Не снимай никогда. Должен он и от стрелы тебя убересть, и от меча разящего.

Колдунья достала из шкатулки на полке, стоящей среди пучков трав, небольшую пластинку из бересты и продела в отверстие шнурок, свитый из белых конских волос. Надела Иоганну на шею, через соломенные кудри и перекрестила тоекратно.

– Спасибо, бабушка Матильда! – растрогался парень. Даже в носу защекотало.

– Спасибо скажешь, когда живым вернёшься, – колдунья тоекратно перекрестила пацана и тоже носом хлюпнула. – Ступай уже.

Событие пятнадцатое

Тронулись с божьей помощью. К Мемелю прямой дороги нет. Вообще все эти архиепископы с отцами Бенедиктами сволочи порядочные. Дорогу могли бы и более подробно описать, а ещё лучше карты выдать. Колумб, если память Ивану Фёдоровичу не изменяет, был картографом и учился этому у кого-то, а он уже родится скоро. Значит, картографы уже существуют. Канары и Азоры ведь открыли уже?

В Африку португальцы плавают. Должны быть картографы. А тут даже планов хоть с каким-то масштабом не показали. Мол, какие тебе дурню карты, тут до Мемеля прямая дорога. Езжай себе с богом. А вот купцы на рынке, опрошенные, не поверившим в прямую дорогу Иоганном, сказали совсем другое, и при этом тоже гады карты не дали. Ну, хоть веточкой на грязи показали. Оказалось, что дороги две, и они по расстоянию равны примерно, чуть одна длиннее. При этом «одну», которая длиннее, можно назвать северной. Сначала она от Риги идёт строго на заход солнца до морской гавани и поселения Портас Лива (Portas Liva), а потом вдоль моря до Мемеля. Зажмурившись, и карту из будущего представив, Иван Фёдорович прикинул, что этот самый Портас Лива должен быть Либавой, а позже Лиепайей. Что Мемель местные, выгнав немцев, переименоуют в Клайпеду, это понятно. Купцы описывают эту северную дорогу, как вполне безопасную, пока литовцы с повстанцами до этих мест не добрались. Мемель самая северная точка их восстания, и сейчас они там разбиты и далеко на юг отодвинуты.

Вторая дорога, или её ещё купцы южной называют, шла от Риги, именно на юг почти, до Митава, повстанцев из которой силы Ордена тоже выгнали, и освободили полностью окрестные территории за зиму, а вот дальше не всё хорошо, нужно двигаться ещё юго-западнее до Saulia, или, как его потом в России переименоуют – Шавли, а ещё позднее в Литве обзовут Шауляем. Повстанцев и оттуда выбили. Но только

из самого городка, а вот все земли вокруг как бы в серой зоне. Есть рыцари по городкам и крупным поселениям, и есть недобитые отряды жмуди по лесам и мелким поселениям.

Насколько понял Иоганн, Александр собирался идти в Мемель именно южной дорогой. Она лучше, и она чуть короче. И самое главное, всегда по ней и ездили. Отец Иоганна именно на ней и погиб. От Риги до Шавли чуть больше сотни вёрст, а потом прямая дорога до побережья, до Мемеля.

Купцы посоветовали героя из себя не корчить и идти, если уж приспичило, то северной дорогой. Сами же они добираются морем. Маршрут Портас Лива (Portas Liva) – Рига один из самых популярных, что ли. Туда всегда заходят корабли идущие из немецких и ганзейских городов побережья Северного и Балтийского морей в Ригу и дальше в Нарву. В километрах купцы ему расстояния не сказали, постеснялись. Объяснили, что караван торговый идет от Мемеля до Портаса Ливы два дня, а от него до Риги три. Места стоянок обустроены. Есть и постоянные дворы, есть и просто придорожные харчевни.

Даже в мыслях двигаться, как это сделал последний из фон Лаутенбергов Александр, у Иоганна не возникло. Как бы единогласно решили идти северной дорогой и на совете командиров. То, что нет единоначалия в отряде их, плохо, конечно, но тут уж никуда не деться. Лидеров тоже нет. Есть бывший десятник его отца Семён. Это опытный и умелый воин, но он обычный боевой холоп. Никто с ним из братьев

или полубратьев, они же псы – рыцари, общаться не будет, а потому, на роль командира он точно не подходит. Есть сержант Старый заяц или же Ганс Шольц. Тоже опытный воин. Всю жизнь воюет, но он не юнкер даже. Его ставить командиром тоже нельзя. Есть у него шесть арбалетчиков и прикнувшийся к ним Георг, вот ими и командует.

Формально рулит в отряде юнкер фон Бок. Его и архиепископ поставил командовать. Есть нюанс. Ни в одном сражении, если не считать бой у реки с литвинами, бывший монах расстрига не участвовал, и уж тем более, таким крупным отрядом не руководил. Доверь ему это дело, и сорок человек просто не доедут до дорфа Грюнвальд, от голода сдохнут по дороге, или от дизентерии.

Есть ещё из лидеров Перун и сам староста Кеммерна Георг, но эти тем более на командира крупного отряда не тянут.

А Иоганн? Ну, тринадцатилетний пацан. Хоть и станет через два года бароном, да даже пусть через полтора. Воевать-то придётся сейчас, а не через полтора года.

Приедут это они в Мемель к комтуру Мемеля Ульриху Ценгеру, именно он возглавит хоругвь (баннер) ливонцев, или уже позже, когда войском будет командовать ливонский ландмаршал Бернхард фон Хевельман, и скажут, у нас де пацан отрядом в сорок сабель рулит. Не. Не поймут этого ни брат Ценгер, ни брат фон Хевельман.

Потому, Иоганн – это оруженосец из самых низкотравча-

тых, которым даже оружие не положено – кнаппен. Это вроде как конюх и мальчик на побегушках при рыцаре.

Из всего этого и получилось, что отрядом совет управляет из всех этих достойных людей. Пока дорога, то и не так уж это плохо. Одна голова хороша, а две – это урод. У них же голов шесть, а это уже на Совет при Президенте тянет.

На совете решили идти северным безопасным маршрутом, и как выяснилось уже на второй день пути, не прогадали. Нет, воинам всё равно, Иоганн же готов был прыгать до потолка в большой едальне постоялого двора, когда подслушал разговоры двух людей за соседним столом.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Это произошло на второй день их эпохального похода. Прошли они в этот день, который несомненно попадёт в летописи, не много, утро хмурилось, хмурилось и разразилось нудным осенним дождём. Там, на небесах, перепутали чего-то и вместо весеннего солнышка и птичьего чириканья поставили дождь мелкий и стук капель по натянутому над повозкой брезенту. И этот сбой программы до самого вечера сбоил. Бам, бам, бам. Потоки влаги нашли где-то в брезенте червоточинку и капли стали внутрь фургона стучать. Так это у него над головой натянули и у Самсона, а вот над остальным отрядом нет. Всю прелесть освежающего дождика те прочувствовали. И люди, и лошади из-за грязи и отвратного настроения тащились кое-как, и к вечеру добрались только до Фрауэнбурга, небольшого совсем городка, выросшего во-круг построенной лет сто назад крепости. В крепость решили не соваться, у них слишком большой отряд, да и не пустят их туда, разве только фон Бока и Старого зайца. Но на въезде был довольно большой постоялый двор и корчма при нём. Если людей разместить вповалку во всех комнатах и занять

конюшню, то их отряд должен был вместиться. Лучше уж так, чем под дождём в лесу. На их фургоны – студебеккеры все косятся, на отряд, кстати, тоже. Всё же более полусотни дестриэ вместе и воины в броне блестящей, начищенной и отполированной. Красота.

Но это ладно, они заказали на Совет стол в корчме, и кашу с мясом потребовали, а также взрослым дядям сидра, а Иоганну молока козьего. Принесли быстро, и каша с устатка и с холода показалась горячей и очень вкусной. Только раз, и приличная такая деревянная тарелка пустая. Остальной Совет стал отрывать от горячего ещё каравая куски хлеба и запивать их кислым, пахнущим бражкой сидром. А Иоганн, потягивая вполне вкусное и ни капли не горчащее, и не воняющее, козье молоко, вдруг услышал знакомое слово за соседнем столом.

Sumpfkalk. Даже сразу и ещё одно слово знакомое – Kalk. Не будь он строителем, и не закупай они некоторые материалы за границей для работы фирмы, и пронесли бы эти слова мимо ушей. Иоганн в отличие от Ивана Фёдоровича их мог и не знать, даже, скорее всего, не знал. А вот зам начальника строительной фирмы сразу подобрался, ведь Калк – это известь, а зумпфкальк – это известковое тесто.

Из дальнейшего подслушанного разговора выяснилось, что эти два товарища, от которых дымом несло за версту, не много не мало работают на какого-то Юргена Кнауфа... И чего? А того, что их работа – это обжиг известняка. Жа-

ловались рабочие, что этот самый Юрген Кнауф работы им лишку даёт, а платит мало. Так ещё бы и ладно, но дела у того плохо идут, вокруг известковых печей весь лес вырубил и теперь приходится закупать его и возить издалека, скоро и вовсе печи придётся бросать, так как прибыль у Юргена уменьшилась настолько, что он стал народ сокращать, а с оставшихся потому всё больше работы требует. Куда бедным обжигальщикам податься?!

Рабочие были местными – куршами. Потому, разговор их был очень малопонятен Иоганну. Он и жмудский-то еле-еле понимает, а язык куршей от него очень серьёзно отличается. И если бы не несколько чисто немецких слов, что вставили в свою беседу рабочие, то парень бы ничего не понял.

Пришлось для более детального допроса привлечь Георга. Оказалось, что известковый карьер находится в пяти верстах всего от городка этого, а известковые печи находятся рядом. А сюда рабочие пришли отметить рождение сына у Йонаса. Жена Йонаса долго не могла...

– Не надо подробностей, – остановил Георга барончик, – а то начнут рассказывать, как сына оттуда тащили за уши. Ты их лучше спроси, как мне этого (Jürgena Knaufa) Юргена Кнауфа найти? Это же известь! Понимаешь, Георг – известь?! Такого настроить сможем, а потом наделать!

Когда выяснилось, что без них им Юргена не найти, а они, пока не отметят рождение сына Йонаса, никуда не пойдут, Иоганн уже смирился, что придётся в этом месте задержать-

ся. Ему хоть как надо и известняка купить и обожжённой извести, а ещё желательно бы и карьер осмотреть. А то если предприятие это на ладан дышит, и оно закроется, то обжигать известь и добывать известняк самому придётся. Нужно хоть понимать размеры этого карьера, а то может там всё очень глубоко под землёй, а сверху всё выработано. Вон, огромный замок построен. Его видимо тут и воткнули, потому что известь была под боком, и чтобы этот суперредкий для Прибалтики ресурс защитить.

Утром отряд остался отдыхать, а Иоганн с Семёном, Георгом, если переводчик понадобится, и фон Бок, для солидности, забрали молодого отца из его саманного домишки и отправились искать главного по извести. Нашли, а вот понимания не нашли. Этот Юрген оказался мужиком скрытным, злым и ничего им показывать не стал.

– Если нужна известь, то покупайте. Цену я поднять собираюсь. Если нужен известняк, то и его покупайте, на него тоже вскоре цену подниму, – не произвёл фон Бок на Юргена Кнауфа благоприятного впечатления, получается. Жаль.

– И сколько обожжённая известь будет стоить? – покупать всё одно надо.

– Сейчас половина ластва серебряную марку. Собираюсь на два шиллинга цену поднять.

Половина ластва – это телега. Чуть больше шестисот кило.

– А известняк? – Иоганн прикинул, что это не так и дорого, ему перевозка вот не дешево обойдётся.

– За известняк в два раза меньше. За ласт одна марка пока.

– Слушай, Юрген, нас тут архиепископ Риги на войну отправил, и мы в Мемель спешим. А вот если я тебе четыре марки дам, то ты возьмёшься сам нанять возчиков и отправить в замок фон дер Зайцева, что в сорока верстах по этой же дороге не доезжая Риги. А назад, когда поедем с победой, то ещё столько же, а то и больше возьмём.

– Четыре повозки? – Юрген был на немца совершенно не похож. Чуть закручивающиеся в кудри чёрные волосы. Да ещё с пролысиной. Нос горбатый. Ростом всего метр пятьдесят. Худой и жилистый. На белокурую бестию и нибелунга не походил совсем. Так ещё и глаза такие тёмно-карие.

– Четыре повозки. Две с известью и две с известняком. Вот четыре марки, – и парень достал из кошелья уже начавшего худеть четыре большие монеты.

– Доставлю, – ненебилунг потрепал себе остатки волос на лысине и, видимо посчитав, что в убытке не останется, решился, кивнул, – Иоганн! – как заорёт он вдруг, – Иоганн! Оооооставь козла в покое.

Надо было видеть это зрелища. В каком-то американском фильме-фэнтези воины ездили на огромных козлах. Вот именно такой козёл и въехал сейчас с улицы во двор дома известкового магната... Вошёл. Вбежал. А на спине у него сидит пацан чуть младше самого барончика, лет двенадцати. Да чёрт с ним с пацаном, козёл был огромен. Он как бы не

метр в холке был и кило на сто точно тянул.

– Эх, красота! А скажи, Юрген, у этого монстра есть козлята и козочки? Потомство?

Событие семнадцатое

На четвёртый только день они добрались до Портас Лива (Portas Liva). Явно купцы напутали что-то. Это одинокий всадник может на очень хорошем коне, или имея заводного, позволить себе промчаться такое расстояние за три дня. Караван точно не может. Только поздно – поздно вечером, практически ночью, они подъехали к городской стене. Ясно, что ночью большой отряд никто не впустил в город, пришлось чуть вернуться назад и заночевать в лесу, благо погода опять поменялась, и даже настоящая весна наступила. Солнце весь день исправляло работу дождей, сушило дорогу, и в студебеккере под тентом было комфортно, даже жарко.

Остановились на опушке леса. И оказалось, что местные весь хворост собрали, ни одной сухой веточки не нашлось. Благо, именно на такой случай одна из повозок была с дровами. Её уже начали потрошить, осталось меньше половины, может даже завтра придётся домой отправлять.

Их отряд всё, что можно вёз с собой. Оказалось, что Иоганн явно перебдел. Часть продуктов вполне можно было закапать в придорожных дорфах. Да, чуть дороже, чем купили у своих в Русском селе и Кеммерне, но зарплата возчикам

эту разницу полностью съедала. Ну, хоть точно известно, что в зерне, из которого они варили ежедневно три раза каши, не было зёрен, отравленных спорыньей.

Караван из-за большого количества возов, что везли продовольствие, оказался огромным, правда, он уменьшался каждый день. В день освобождались от поклажи три воза. Один с продуктами на сотню почти человек, второй с овсом на ту же сотню лошадей и один с сеном. На улице весна и лошади пока ещё щипать свежую травку практически негде, та травка только из-под снега начала показываться. Как только три воза освобождалось, они разворачивались и шли домой. Вот завтра утром ещё три отправятся. И тут Иоганна как прояснило, что он дебил. Ведь и прошлым мог дать денег, чтобы они известняк загрузили. Серебро пока было, а вот платить тогда за доставку известняка не надо, дорогу он возчикам в оба конца оплачивал.

Сам отряд можно разделить на три куса... По родам войск, что ли? Есть тридцать один новик. Это тяжёлая рыцарская кавалерия. Сюда же плюсом Семён и Перун. Получилось тридцать три богатыря. Разные на самом деле по комплекции все, но вот конь у каждого точно богатырский. С этим кусочком можно считать и две телеги, которые с отрядом останутся до конца. Они везут копья тяжёлые рыцарские и часть доспехов. Пока новики только в кольчугу одеты, а шлемы, панцири и наколенники с налокотниками едут пока в больших телегах, запряженных парой коней.

Второй кусок – это арбалетчики под командованием сержанта Ганса Шольца, он же Старый заяц. К ним примкнул и Георг. Сюда же формально можно добавить и Мартина фон Бока, так как арбалетом он владеет лучше, чем мечом. То есть, плюсом к богатырям девять человек.

Третий кусочек самый маленький. Но они занимают оба Студебеккера. На одном едет тюфянчей Самсон Изотов с Иоганном и деревянной пушкой. Есть у них и свой отдельный возчик – это нанятый в Риге для этой поездки специально инвалид Густав. Он был одно время в отряде Старого зайца, но лишился трёх пальцев на правой руке, и теперь какой из него арбалетчик, так, в городской страже подвязался, но Ганс Шольц его нашёл и предложил за хорошие деньги поводить. И Густав согласился. Теперь он помощник у Самсона. На втором Студебеккере едет при своей пушке ученик Самсона – это тот самый приятель Георга – безумный молчун Теодор. Вылечить его Матильда вылечила, но вытянуть из здоровья хоть слово, это нужно сильно постараться. Говорить он умеет, но не любит. А вот стрелять из пушки любил. Не хуже старосты Георга он и арбалетом владеет. У него тоже есть свой помощник и возчик по совместительству. Это тоже нанятый в Риге очередной товарищ Старого зайца. У этого со здоровьем всё нормально, тоже служит в городской страже и тоже повёлся на большую зарплату. При нём, естественно, и арбалет хороший есть.

Всё. Ну, или Иоганна можно отдельно считать. То есть,

плюсом ещё пять человек. Всего сорок шесть человек. Даже больше, чем от Иоганна требовал архиепископ.

Кроме пороха в Студебеккерах лежит двадцать один пистоль и пять пищалей. Ну и около тысячи пуль круглых свинцовых к ним. Это в одном, а во втором два десятка луков для новиков и десятков арбалетов для них же. И по сорок стрел на каждый лук и арбалет.

Может и не три тысячи татар, что Витовт приведёт, но сила не малая... по нынешним временам.

Событие восемнадцатое

По дороге из Портас Лива в Мемель на них напали. На самом деле и по-взрослому. И это были не комары, которые уже начали пробуждаться после зимы, и даже не холодный северный ветер. И комары, и ветер тоже отметились, но напали люди. И это было настолько неожиданно, что не будь с ними Самсона Изотова, неизвестно, чем бы это закончилось. Нет, они в итоге победили бы, это не обсуждается, всё же их девяносто человек, считая возчиков и пять десятков почти – это настоящие воины, пусть новики ещё и молоды, но нападающих было всего два десятка. Скорее всего, одних бы арбалетчиков хватило. Старый заяц с помощью приспособ Иоганна своих людей отлично натренировал. И заряжают быстро и стреляют метко.

Однако, получилось даже лучше. Какой-нибудь из богов

войны явно за ними присматривал. Марс или Арес, а то и сам Перун. Они остановились на лесной опушке на ночлег, а опушка эта находилась в десятке метров от пляжа песчаного. Фургоны туда на пляж и загнали, и там же развели костры, на которые повесили котлы и стали готовить ужин. При этом основной лагерь находился за небольшим языком соснового бора, глубоко вытянувшегося из опушки. Дальше дорога шла по песчаным дюнам совершенно без малейших признаков растительности. Словно пустыня Сахара переехала.

Иоганн прогулялся по пляжу, пытаясь найти янтарь, не так, чтобы нужно было, просто чтобы в лагере не крутиться. И даже нашёл пяток камешков, не огромные булдыганы, так, от сантиметра до двух. Долго искать не получилось, сумерки наваливались быстро. Бросив взгляд на море, в этом месте даже не напоминающее то ледяное безумие у их замка, парень увидел там паруса. В километре примерно мимо них на север шёл двухмачтовый корабль.

– Эх, три бы таких, и можно плыть в Америку за картошкой и кукурузой. А, ещё подсолнух нужен обязательно. А ещё...

Тут его позвали ужинать, и парень забыл про корабль. Спать Иоганн устроился в Студебеккере, это даже лучше любого постоянного двора, никаких посторонних вонючих запахов, никаких клопов и прочих насекомых. В Портас Лива на постоялом дворе ему чуть в ухо таракан не забрался. Всю ночь потом уснуть не мог.

А тут на свежем воздухе его так вырубил, что он практически проспал бой. А вот Самсону не спалось, он всё никак заснуть не мог, ворочался рядом с Иоганном, и в конце концов, решил выбраться из повозки и посидеть у костра, потрепаться с охранником. Выбравшись на песок пляжа, инвалид на коленях, так как протезы не стал надевать, пополз к костру, и тут увидел две лодки, что причаливали к берегу. Часовой Михайло, из новиков, сидел спиной к морю, метрах в десяти от костра, чтобы его свет не мешал осматривать... Ну, он же не идиот, не могут на них с моря напасть, он за опушкой и дорогой в дюны смотрел. Там всё было тихо. Тем более, в двух десятках метров на опушке был ещё один часовой, и он вышагивал там от опушки до первой дюны, так что пост Михайлы был почти и не нужен. Узкая полоска в дюнах, вот и всё, за чем ему поручили наблюдать.

– Мишка, сзади! – резанул вдруг его полужаснувший мозг крик тюфянчя.

В руках у Михайлы был пистоль с тлеющим фитилём. Фитиль уже он один раз заменил, тот сгорел полностью. Новик развернулся в сторону костра. Его свет мешал что либо увидеть, но раздумывать парень не стал. Самсон Изотов опытный воин, и враги там, где их даже быть не могло, померещиться тюфянчею не должны. Про лодки Михайло не думал, он подумал, что со стороны дюн просочились враги, чтобы атаковать их с тыла. Целиться было не в кого, но подать сигнал тревоги выстрелом парень мог. Что он и сделал, прице-

лившись, всё же, куда-то за костёр, новик потянул за спусковую скобу, и тлеющий фитиль ткнулся в полку с порохом. Тот не подвёл, вспыхнул, и ниточка пламени заскочила в отверстие.

Бабах. Грохот разбудил лагерь.

– С моря! Лодки! – теперь все слышали голос пушкаря.

Бабах. Это второй выстрел разорвал не такую уж и тихую теперь ночь.

Глава 7

Событие девятнадцатое

*Дядя к сапожнику очень спешил,
На красный свет пробежаться решил,
Вышел немного печальным итог,
Дяденьке больше не нужно сапог...*

Проснувшийся после первого выстрела барончик для начала запутался в подобии спального мешка, специально для этого путешествия им нарисованного и двумя Мариями сшитого. Брезент обычный с пришитыми внутрь кусками овчины. Молнию тут при всём желании не изобрести, с пуговицами и то возникла проблема. Потому, с боку просто две пуговицы, выточенные на токарном станке из куса янтаря. Не для задиранья носа сие сделано. Это бракованные пуговицы. Две дырочки получились не по центру и со сколами. После этого брака уже отработали технологию сверления. И даже десяток пуговиц на рынок отвезли. И продали за хорошие деньги. Вот только продолжить этот бизнес не получилось. Не то что приличные куски янтаря, необходимые для этого, а просто весь янтарь кончился.

Пуговица никак не желала расстёгиваться, парень хотел выбраться так, плюнув на застёжку, но мешок довольно узкий и поизвивавшись полминуты, как червяк в клюве у скворца, Иоганн закрыл глаза, досчитал до десяти, и почти успокоившись, сразу же расстегнул обе пуговицы. Его пистоль лежал рядом. И пороховница при нём и пуля даже. Именно вот для таких случаев парень по десятку минут каждый день тренировался, стараясь с каждым разом заряжать пистоль всё быстрее. Где-то в районе минуты теперь получалось. Быстро это или нет, как определить, нормативов ещё никто не ввёл, да и секундной стрелки на часах не было. Ага, часов тоже не было. Ну, хотя. Солнечные часы он всё же построил во дворе замка. Но там точность плюс – минус лапоть. Не имея нормальных часов, как отградуировать правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.